

ПЕРВОЕ ДЕЛО ИНСПЕКТОРА ХАРРИ ХОЛЕ

Нетопырь Ю Несбё



КНИГИ
Ю НЕСБЁ
ПЕРЕВЕДЕНЫ
НА 50
ЯЗЫКОВ

Annotation

Харри Холе прилетает в Сидней, чтобы помочь в расследовании зверского убийства норвежской подданной. Австралийская полиция не принимает его всерьез, а между тем дело гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Древние легенды аборигенов оживают, дух смерти распростер над землей черные крылья летучей мыши, и Харри, подобно герою, победившему страшного змея Буббура, предстоит вступить в схватку с коварным врагом, чтобы одолеть зло и отомстить за смерть возлюбленной.

Это дело станет для Харри началом его несколько эксцентрической полицейской карьеры, а для его создателя, Ю Несбё, — первым шагом навстречу головокружительной мировой славе.

Книга также издавалась под названием «Полет летучей мыши».

Ю Несбё

Полет летучей мыши

*Поднялось в воздух, расправив крылья,
потом упало на землю,
и крылья превратились в плащ,
туго обтягивающий тело человека.*

Фрэнк Миллер. Бэтмен, человек — летучая мышь

Сидней, мистер Кенсингтон и три звезды

Что-то было не так.

Служащая паспортного контроля широко улыбнулась:

— *How are you, mate?*^[1]

— *I'm fine*^[2], — соврал Харри Холле. Тридцать часов назад он вылетел из Осло, сделал пересадку в Лондоне, потом еще одну в Бахрейне и последние часы провел на этом проклятом сиденье перед запасным выходом. Из соображений безопасности ему пришлось всю дорогу до Сингапура сидеть в самой неестественной позе, и он лишь чудом не вывернул себе позвоночник.

Женщина за столом перестала улыбаться и теперь с большим интересом исследовала его паспорт. Что ее так заинтересовало — фотография или почерк, — сказать было трудно.

— *Business?*^[3]

Раньше Харри Холле полагал, что таможенные офицеры во всем мире из вежливости добавляют «сэр», но потом он прочитал, что подобные формальности в Австралии широкого распространения не получили. Ну и ладно. Харри не так часто путешествовал и снобом не был. Все, что ему нужно, — это гостиничный номер и постель, и чем скорее, тем лучше.

— *Yes.* — Харри забарабанил пальцами по столу.

Тут губы ее скривились, а в голосе послышались визгливые нотки:

— *Why isn't there a visa in your passport, Sir?*^[4]

Сердце его подскочило, будто предчувствуя катастрофу. Может, слово «сэр» здесь используют, только когда ситуация накаляется?

— *Sorry, I forgot*^[5], — пробормотал Харри, лихорадочно роясь во внутренних карманах. И почему специальные визы не проставляют в паспорте, как обычные? Харри услышал, как у кого-то в очереди за ним зажужжал мобильный. Он знал, что это его сосед по самолету. У того еще во время полета все время звучала одна и та же мелодия. Ну почему он такой дурак, никогда не может запомнить, в какой карман кладет вещи? Было тепло, хотя наступил вечер — без нескольких минут десять. У Харри засвербило в затылке.

Наконец документ отыскался, и Харри выложил его на стол.

— *Police officer, are you?*^[6] — Женщина оторвала взгляд от визы и изучающе взглянула на него. Ее лицо приняло прежнее выражение. — Надеюсь, у нас не убили каких-нибудь норвежских блондинок. — Она громко рассмеялась и поставила на визу штамп.

— *Well, just one*^[7], — ответил Харри Холле.

Зал ожидания был набит представителями туристических компаний и водителями, и каждый держал над собой табличку с чьим-то именем, но своего Харри не обнаружил. Он уже было решил взять такси, как вдруг увидел чернокожего мужчину в светлых джинсах и гавайской рубашке. У него был необычайно широкий нос и темные курчавые волосы. Расчищая себе путь между табличками, он шел прямо к Харри.

— Я полагаю, мистер Хоули? — с победным видом спросил он.

Харри Холле сообразил не сразу. Он уже настроился первое время в Австралии поправлять тех, кто будет читать его фамилию как «Хоул» — «дырка». Но варианта «мистер

Хоули» — «господин Святоша» — он никак не ожидал.

— Эндрю Кенсингтон, — с ухмылкой представился мужчина и словно тисками сжал ладонь Харри своей ручищей. — Добро пожаловать в Сидней, надеюсь, вам понравился полет. — Его казенно-приветливый голос звучал эхом слов, двадцать минут назад произнесенных стюардессой.

Мужчина взял потрепанный чемодан Харри и не оглядываясь пошел к выходу. Харри следовал за ним.

— Вы из сиднейской полиции? — завел разговор Харри.

— Точно, приятель. Берегись!

Дверь ударила Харри прямо по носу, так что на глазах выступили слезы. Хорошее начало для низкопробной комедии! Норвежец потрогал нос и выругался на родном языке. Кенсингтон посмотрел на него сочувственно.

— Пакостные тут двери, верно? — сказал он.

Харри промолчал. Он не знал, как в Австралии отвечают на подобные вопросы.

На стоянке Кенсингтон открыл багажник маленькой, выдавшей вида «тойоты» и аккуратно положил туда чемодан.

— Хочешь сесть за руль? — удивился он.

Харри обнаружил, что стоит у двери водителя.

Выходит, в Австралии левостороннее движение. Другое переднее сиденье было завалено бумагой, кассетами и прочим хламом, и Харри решил разместиться сзади.

— Вы, наверное, абориген? — спросил Харри, когда они выехали на шоссе.

— Я вижу, тебя не проведешь. — Кенсингтон бросил взгляд в зеркало.

— В Норвегии мы называем вас «австралийскими неграми».

Кенсингтон еще раз посмотрел в зеркало.

— Да?

Харри почувствовал себя неуютно.

— Э-э, я просто хотел сказать, что ваши предки, похоже, не из тех английских каторжников, которых привезли сюда двести лет назад. — Харри надеялся, что хоть какие-то познания из истории страны послужат ему оправданием.

— Это верно, Хоули, мои предки приехали малость пораньше. Четыре тысячи лет назад, если быть точным. — Кенсингтон посмотрел в зеркало, и Харри пообещал себе не болтать лишнего.

— Ясно. Можешь называть меня Харри.

— Идет, Харри. А меня можешь звать Эндрю.

Всю дорогу Эндрю говорил. Довеся Харри до Кингз-Кросс, он тут же поведал, что этот район славится проституцией, наркоманией и прочими темными делишками. Каждый второй публичный скандал в городе так или иначе связан с гостиницей или ночным клубом, расположенными на этом клочке земли величиной в квадратный километр.

— Вот мы и приехали, — внезапно заключил Эндрю. Он подъехал к краю тротуара, выскочил из машины и достал из багажника чемодан Харри.

— До завтра, — бросил Эндрю напоследок и укатил в своей машине. Харри оказался перед крикливой вывеской «Отель Кресент», спина у него затекла, суточный ритм сбился, и в этом городе, где населения было не меньше, чем во всей Норвегии, он чувствовал себя жутко одиноким. Рядом с названием отеля стояли три звездочки. Полицейское начальство в

Осло не слишком пеклось об удобствах своих подчиненных. Но, в конце концов, все не так плохо. Здесь должны быть скидки для государственных служащих и проживающих в самом маленьком номере, подумал Харри.

Он был прав.

Тасманийский дьявол, клоун и шведка

Харри осторожно постучал в дверь начальника Южного полицейского округа Сиднея.
— Войдите, — прогремело оттуда.

У окна позади дубового письменного стола стоял дружелюбный великан с брюшком. Из-под копны подрастерявших бывшее обаяние волос торчали кустистые брови, глаза улыбались.

— Харри Хоули из Норвегии, из Осло, сэр.

— Присаживайся, Хоули. Еще рано, а вид у тебя помятый. Часом, не навещался к здешним ребятам насчет наркотиков? — Нил Маккормак от души рассмеялся.

— Это из-за разницы в часовых поясах, — пояснил Харри. — Сегодня я проснулся в четыре утра и так и не смог уснуть.

— Да-да, конечно. Я пошутил, только и всего. Знаешь, у нас тут пару лет назад десятерых полицейских судили, в том числе за то, что они приторговывали наркотой, своим же и продавали. А заподозрили их потому, что кое-кто из них сутки напролет был вот таким подозрительно вялым. Во-общем-то с этим шутки плохи, — добродушно добавил он, надевая очки и приводя в порядок бумаги на столе. — Значит, тебя направили сюда, чтобы ты помог расследовать убийство Ингер Холтер, гражданки Норвегии, работавшей в Австралии. Волосы светлые, черты лица привлекательные — если верить фотографиям. Двадцати трех лет, верно?

Харри кивнул. Маккормак посерьезнел:

— Ее нашли рыбаки на берегу залива Уотсонс, а конкретнее — в парке Гэп. Она была наполовину раздета; судя по всему, ее сначала изнасиловали, потом мучили, но следов спермы не обнаружено. Потом под покровом ночи ее перевезли в парк, где сбросили со скалы. — Его лицо сморщилось. — Будь погода похуже, тело унесло бы в море, но оно так и осталось лежать среди камней до следующего утра. Спермы не осталось, потому что половые органы были полностью вырезаны, а море смыло все следы. По этой же причине мы не смогли найти отпечатков пальцев. Зато установили примерное время смерти... — Маккормак снял очки и провел рукой по лицу. — Но мы не знаем, кто убийца. И какого черта в это дело лезешь ты, Хоули?

Харри собрался было ответить, но не успел.

— Разумеется, ты хочешь следить за ходом расследования, пока мы не найдем этого подонка, а попутно рассказывать норвежской прессе, как славно мы работаем вместе. А поскольку нам не хочется связываться с норвежским посольством и всем, что до него касается, придется с этим мириться, так что считай свое пребывание здесь просто отпуском и пошли пару открыток своей начальнице. Кстати, как у нее дела?

— Да вроде нормально.

— Она у вас что надо! И что она сказала насчет твоей роли?

— То и сказала. Участие в расследовании...

— Отлично. Забудь. Здесь правила другие. Первое: с этого момента подчиняешься мне, мне и только мне. Второе: ни во что не лезешь, если только я сам не попрошу. И третье: шаг в сторону — и ты летишь домой первым же самолетом.

Все это говорилось с улыбкой, но смысл был ясен: не суйся куда не просят, ты просто наблюдатель. Надо было захватить с собой плавки и фотоаппарат!

— Я слышал, в Норвегии Ингер Холтер была своего рода телезнаменитость?

— Не такая уж знаменитость, сэр. Пару лет назад она была телеведущей в молодежной программе. Но сейчас ее мало кто помнит.

— Да, мне говорили, что ваши газетчики подняли шумиху вокруг этого убийства. Норвежские журналисты уже здесь. Мы им сказали все, что знаем, — а это не так много, так что им скоро станет скучно и они отбудут домой. О твоём приезде им не сообщали, у нас хватает своих людей, чтобы с ними нянчиться, так что можешь об этом забыть.

— Очень признателен, сэр. — Харри действительно был рад, что теперь не придется отбиваться от надоедливых норвежских репортеров.

— А теперь, Хоули, давай поговорим начистоту. От начальства мне известно, что власти Сиднея желают, чтобы убийство раскрыли как можно быстрее. Естественно, тут все дело в политике и экономике.

— В экономике?

— Подсчитано, что безработица в городе к концу года перевалит за десять процентов, на счету каждый цент, полученный от туризма. На носу Олимпиада-2000, растет поток туристов из Скандинавии. А убийства, особенно нераскрытые, — плохая реклама для города. Поэтому мы стараемся изо всех сил: работает следственная группа из четырех человек, имеющих в своем распоряжении все базы данных, технический персонал, экспертов-криминалистов. И так далее.

Маккормак достал какой-то документ и, хмурясь, просмотрел его.

— Собственно, ты должен был работать с Уод-кинсом, но раз уж сам попросил дать тебе Кенсингтона, я не вижу причин отказывать.

— Сэр, я не знаю...

— Кенсингтон — хороший парень. Мало кто из аборигенов достигает таких высот.

— Почему?

Маккормак вздохнул:

— Ну, так уж оно выходит. Итак, Хоули, если что, помни о нашем разговоре. Вопросы есть?

— Кое-какие формальности, сэр. К старшему по званию здесь принято обращаться «сэр», или это чересчур...

— Официально? Да, пожалуй. Но мне нравится. По крайней мере чувствуешь, что ты здесь все еще начальник. — Маккормак снова расхохотался и на прощание крепко пожал Харри руку.

— В январе в Австралии туристический сезон, — объяснил Эндрю, пробираясь сквозь поток машин у набережной Серкулар. — Все приезжают посмотреть на Оперный театр, прокатиться по гавани на лодке и поглазеть на загорающих на Бонди-Бич. Но ты, к сожалению, должен работать.

Харри пожал плечами:

— Да мне как-то все равно. Признаться, от всех этих увеселений меня с души воротит.

«Тойота» выбралась на Новое Южное шоссе и помчалась на восток, в сторону залива Уотсонс.

— Восточная часть Сиднея — не то что захудалый Ист-Энд в Лондоне, — говорил Эндрю, между тем как за окном мелькали дома, один богаче другого. — Этот район называется Дабл-Бэй — Двойная бухта. Но мы зовем его Дабл-Пэй — Двойная плата.

— А где жила Ингер Холтер?

— Некоторое время она со своим парнем жила в Ньютауне. Потом они разъехались, и она поселилась в однокомнатной квартире на Глиб-пойнтроуд.

— Что за парень?

Эндрю улыбнулся:

— Австралиец, инженер-компьютерщик. Они познакомились пару лет назад, когда она приезжала сюда отдохнуть. У него хорошее алиби, к тому же он вовсе не похож на убийцу. Хотя как знать.

Они остановились возле парка Гэп, одного из многочисленных зеленых массивов Сиднея. Крутые каменистые дорожки вели в продуваемый ветрами парк, откуда открывался вид на залив Уотсонс на севере и Тихий океан на востоке. Стоило полицейским открыть двери автомобиля, как на них пахнуло теплом. Эндрю надел большие солнечные очки, и Харри подумал, что теперь он похож на воротилу порнобизнеса. Сегодня австралиец почему-то натянул на себя тесный костюм, и Харри было забавно смотреть, как этот черный широкоплечий человек шагает перед ним.

— Вот, Харри, это Тихий океан, — сказал Эндрю, когда они поднялись на высокий берег. — Следующая остановка — Новая Зеландия. До нее всего-то две тысячи мокрых километров.

Харри осмотрелся. На западе виднелся центр города с мостом через гавань, на севере — пляж и яхты в Уотсонс-Бэй, а еще Мэнли, пригород на северной стороне залива. На востоке синими переливами неба и воды играл горизонт. Прямо перед ними срывались вниз утесы, а далеко внизу обрывали среди камней свой долгий путь морские волны.

— Вот, Харри, сейчас ты стоишь на историческом месте, — объявил Эндрю. — В 1788 году англичане отправили в Австралию первую партию каторжников. Решено было поселить их в бухте Ботани-Бэй, в нескольких милях к югу отсюда. Но потом милостивый капитан Филлип рассудил, что пейзаж там чересчур суровый, и послал лодку вдоль берега — выбрать местечко получше. Обогнув мыс, на котором мы сейчас стоим, они нашли лучший залив в мире. Немного погодя сюда прибыл и капитан Филлип, а с ним — 11 кораблей, 750 каторжников — мужчин и женщин, 400 моряков, 4 роты солдат и провиант на два года. Но в этом краю не так легко жить, как кажется на первый взгляд. Англичане не умели ладить с природой так, как аборигены. И когда через два с половиной года приплыл еще один корабль с провизией, оказалось, что англичане почти вымерли от голода.

— Но похоже, со временем дела пошли лучше. — Харри кивнул в сторону зеленых вершин. От жары у него по коже стекали струйки пота.

— У англичан — да. — Эндрю сплюнул с обрыва. Они проследили взглядом путь жирного плевка, пока тот не пропал из виду. — Ей посчастливилось, что к моменту падения она уже была мертва, — сказал он. — Пока тело падало, ударяясь о скалы, камнями из него вырывало куски.

— Сколько времени она была мертва, когда ее нашли?

Эндрю поморщился:

— Судмедэксперт установил, что 48 часов. Но он...

По его жесту Харри понял, что доктор любит выпить.

— К тому же ты не доверяешь круглым цифрам?

— Тело нашли в пятницу утром, поэтому можно предположить, что смерть наступила в ночь на среду.

— Свидетели есть?

— Как видишь, машины можно ставить там, внизу. Ночью это место не освещено и людей здесь практически не бывает. До сих пор свидетелей не объявилось, и не думаю, что они вообще появятся.

— И что же нам делать?

— Мы сделаем, как мне сказал шеф: пойдём в ресторан и будем тратить государственные деньги. Как-никак, ты сейчас самый высокий представитель норвежской полиции в радиусе двух тысяч километров. По меньшей мере.

Эндрю и Харри сели за столик, покрытый белой скатертью. Рыбный ресторан «Дойлз» находился на берегу Уотсонс-Бэй, от моря его отделяла лишь узкая полоска пляжа.

— Ну, как тебе? — поинтересовался Эндрю.

— Как в глянцевом журнале.

Перед ними на пляже мальчик и девочка возводили песчаный замок. За ними расстиралось лазурное море, вдали высились величественные зеленые горы и небоскребы Сиднея.

Харри заказал эскалопы и тасманийскую форель, Эндрю — австралийскую камбалу, о которой Харри никогда раньше не слышал, и бутылку шардоне, «конечно, не подходящего для подобного случая, зато белого по цвету, приятного по вкусу и приемлемого по цене». Он очень удивился, когда Харри заявил, что не пьёт.

— Ты что, квакер? — спросил он.

— Ну что ты! — отверг его предположение Харри.

Ресторан «Дойлз», пример старого семейного бизнеса, по словам Эндрю, считался одним из лучших в Сиднее. Сейчас посетителей в ресторане было много, чем Харри попытался объяснить то, что их долго не обслуживают.

— Здешние официанты похожи на планету Плутон, — нервно заметил Эндрю. — Двигаются по периферии, появляются раз в двадцать лет и абсолютно не заметны невооруженным глазом.

Харри не смог выдавить из себя ни капли желчи в ответ и просто откинулся на спинку стула.

— По крайней мере, здесь вкусно кормят, — признал он. — Ты поэтому так вырядился?

— И да и нет. Как видишь, посетители здесь не при параде. Но я зарекся приходить в подобные места в футболке и джинсах. Костюм — хоть какая-то компенсация.

— В смысле?

Эндрю посмотрел на напарника.

— У аборигенов не такой уж высокий статус, как ты и сам заметил. Уже первые прибывшие сюда англичане писали, что местное население падко на спиртное, — сказал он.

Харри с интересом слушал.

— Считалось, что это у нас в крови. «Они только и могут, что дуть в длинные деревянные трубки, которые называют диджериду, производя адский шум», — писал один из них. Здесь хвалятся, что в Австралии удалось интегрировать несколько культур и создать благоустроенное общество. Но для кого оно благоустроенное? Вся беда или вся прелесть — с какой стороны посмотреть — в том, что местное население уже в расчет не принимают.

Аборигены практически не участвуют в общественной жизни Австралии, кроме разве что политических вопросов, непосредственно затрагивающих интересы коренного населения и его культуры. Австралийцы охотно украшают свои дома произведениями

туземного искусства. А самих туземцев чаще всего можно встретить в списках неимущих, самоубийц и заключенных. В Австралии у чернокожего в 26 раз больше шансов оказаться в тюрьме, чем у белого. Подумай над этим, Харри Хоули.

Эндрю допил вино, а Харри стал думать над этим. И над тем, что за свои тридцать два года он ни разу не ел рыбы вкуснее.

— Нет, расизма здесь не больше, чем в других странах. Австралия — поликультурная страна, здесь живут люди со всех концов света. Просто, чтобы пойти в ресторан, мне приходится надевать костюм.

Харри кивнул. Что тут скажешь?

— Я слышал, Ингер Холтер работала в баре?

— Да, конечно. Бар «Олбери» на Оксфорд-стрит в Паддингтоне. Я думаю, вечером можно будет туда наведаться.

— А почему не сейчас? — Харри начинала бесить вся эта неспешность.

— Потому что сначала надо поздороваться с хозяином.

Внезапно на звездном небе показался Плутон.

Глиб-Пойнт-роуд оказалась уютной и не слишком деловой улицей, сплошь застроенной скромными ресторанчиками, в основном с национальной кухней.

— Когда-то здесь был богемный район Сиднея, — рассказывал Эндрю. — В семидесятых я жил совсем неподалеку. И до сих пор здесь можно найти вегетарианские рестораны для людей, свихнувшихся на охране природы и альтернативном образе жизни, а также книжные магазины для лесбиянок и много всего прочего. А вот старые добрые хиппи и «кислотники» перевелись. Чем популярнее делалась Глиб, тем дороже здесь становилось жить, и теперь я со своей зарплатой полицейского уже не могу себе этого позволить.

Они свернули направо, к Херфорд-стрит, и вошли в калитку с номером 54. Навстречу им с визгом выскочило мелкое косматое черное существо и оскалило мелкие острые зубки. Чудовище выглядело свирепым и поразительно напоминало иллюстрацию из туристического буклета. «Тасманийский дьявол. Агрессивен, мертвой хваткой вцепляется в горло. Вид на грани исчезновения». На последнее Харри очень надеялся. Но когда данный экземпляр бросился вперед с широко разинутой пастью, Эндрю пинком отшвырнул его, и животное, скуля, отлетело в кусты.

Когда полицейские миновали лестницу, в дверях их встретил заспанный пузатый человек.

— Что вы сделали с моей псиной? — спросил он недовольно.

— Она наслаждается ароматом роз, — с улыбкой пояснил Эндрю. — Мы из полиции. Отдел убийств. Мистер Робертсон, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь. Что вам еще нужно? Я уже сказал, что сказал все, что знаю.

— А теперь вы сказали, что сказали все, что сказали... — Эндрю умолк, но не перестал улыбаться.

Харри начал переминаясь с ноги на ногу.

— Извините, мистер Робертсон, не хочу вас сильно удивлять, но вот это — брат Ингер Холтер, и он желает осмотреть ее комнату. Если вас это, конечно, не затруднит.

Выражение лица Робертсона сразу изменилось:

— Прошу прощения, я не знал... Проходите! — Он открыл дверь и стал подниматься по лестнице, показывая им дорогу. — Я ведь и не знал, что у Ингер есть брат. Но когда вы

сказали, я сразу же заметил сходство.

За его спиной Харри обратил к Эндрю страдальческое лицо.

Комнату Ингер даже не пытались прибрать. Повсюду валялись одежда, журналы, полные пепельницы и пустые бутылки.

— Э-э, полицейские просили пока ничего не трогать.

— Понятно.

— Как-то вечером она просто не вернулась домой. Пропала.

— Спасибо, мистер Робертсон, мы об этом читали.

— Я говорил ей, что не надо ходить по дороге между Бридж-роуд и рыбным рынком, когда возвращаешься домой поздно. Там темно и много черных и желтых... — Он осекся и покосился на Эндрю Кенсингтона. — Извините, я не хотел...

— Все в порядке. Можете идти, мистер Робертсон.

Робертсон пошлепал вниз по лестнице, и полицейские услышали, как он открывает бутылку на кухне.

Итак, в комнате была кровать, несколько книжных полок и письменный стол. Осмотревшись, Харри попытался представить себе Ингер Холтер. Легче понять, если вжиться в шкуру потерпевшего. Он припомнил ту отвязную девчонку из телепрограммы, ее благие юные начинания и синий невинный взгляд.

Во всяком случае, на домоседку она не тянула и уж точно не собиралась проводить в гнездышке все свободное время. Картин в комнате не было, только афиша «Храброго сердца» с Мелом Гибсоном: Харри запомнил этот фильм лишь потому, что он непонятно за что получил «Оскара». Ага, подумал полицейский, значит, в фильмах она разбиралась плохо. Как и в мужчинах. Сам Харри, подобно многим другим, считал, что со стороны Гибсона было просто предательством стать голливудской звездой.

Еще на стене висела фотография Ингер и каких-то волосатых и бородатых парней на скамейке перед ярко освещенным домом, похожим на салун. На ней было свободное сиреневое платье. Распущенные светлые волосы обрамляли бледное серьезное лицо. Она держала за руку молодого человека, который прижимал к себе ребенка.

На полке лежала пачка сигарет, несколько книг по астрологии и треснутая грубая деревянная маска с носом, напоминающим птичий клюв. Харри повертел маску в руках. На этикетке значилось: «Сделано в Новой Гвинее».

Та одежда, что не валялась на полу и кровати, висела в небольшом платяном шкафу. Несколько хлопчатобумажных рубашек, старое пальто, а на верхней полке — большая соломенная шляпа.

Эндрю достал из ящика стола пачку папиросной бумаги и прочел надпись на упаковке:

— «Кинг сайз». Она сама скручивала себе курево.

— Наркотиков здесь нет? — спросил Харри.

Эндрю покачал головой и указал на папиросную бумагу.

— Но если порыться в пепельницах, бьюсь об заклад, найдутся следы марихуаны.

— Почему же не порылись? Сюда приходила следственная группа?

— Ну, во-первых, у нас нет оснований считать это местом преступления. Во-вторых, ни к чему поднимать из-за марихуаны шум, в Новом Южном Уэльсе отношение к ней куда более терпимое, чем в других штатах Австралии. Не исключено, что наркотики могут иметь отношение к убийству, но я так не думаю. Может, она принимала и более сильные наркотики

— кто знает? В баре «Олбери» бывают наркодилеры, но ни один из тех, кого мы допросили, ничего такого не говорил. В крови у нее тоже ничего не обнаружили. Так или иначе, тяжелой наркотой она не баловалась. Следов от уколов на теле нет, да и за всеми этими шайками мы приглядываем.

Харри взглянул на него, Эндрю откашлялся:

— Но основная версия у нас есть. И еще кое-что, с чем ты мог бы помочь нам разобраться.

Он протянул Харри письмо. Оно начиналось словами «Дорогая Элизабет» и явно не было закончено. Харри пробежал его глазами:

«Да, да, у меня все хорошо, а лучше всего то, что я влюбилась! Разумеется, он безумно красив, у него длинные каштановые кудри, узкие бедра и взгляд, в котором читаешь то, что он уже шептал тебе: он хочет овладеть тобой сейчас — прямо здесь — за ближайшей стеной, в туалете, на столе, на полу, где угодно. Его зовут Эванс, ему тридцать два, он (приготовься!) уже был женат, и у него есть милый сынишка Том-Том, которому полтора года. Сейчас он пока нигде не работает, так, делает кое-что для себя.

Да, знаю, ты предчувствуешь проблемы! Обещаю не сломаться. По крайней мере сейчас.

Ну, хватит об Эвансе. Я по-прежнему работаю в «Олбери». С тех пор как однажды вечером в бар зашел Эванс, «мистер Вин» больше не подкатывает ко мне. А это прогресс. Но он по-прежнему ходит за мной по пятам и вечно на меня глазеет. Черт! Честно говоря, я начинаю уставать от этой работы, главное теперь продержаться, чтобы мне продлили вид на жительство. Я говорила с НРК, они планируют возобновить передачу со следующей осени и приглашают меня в ней участвовать. Опять приходится решать!»

На этом письмо обрывалось — ни подписи, ни даты.

На прощание Харри благодарно пожал Робертсону руку, а тот с сочувственным поклоном сказал, что Ингер была хорошей девушкой и замечательной квартиранткой, да, настоящим украшением всего дома, а может, и всех домов в округе, кто знает? От Робертсона пахло пивом, язык заплетался. По пути к калитке полицейские услышали слабый вой: из розовых кустов за ними следила пара испуганных глаз.

Они решили закусить в многолюдном вьетнамском ресторане в бухте Дарлинг. Там было полно азиатов — судя по всему, завсегда: с официантом они разговаривали на непонятном языке с немислимым чередованием высоких и низких тонов.

— Похоже, они время от времени вдыхают гелий, чтобы разговаривать как Дональд Дак, — сказал Харри.

— Не любишь азиатов? — поинтересовался Эндрю.

Харри пожал плечами.

— Любишь — не любишь. Сам не знаю. Скажем так, у меня нет причин их не любить. Вроде бы честные, трудолюбивые люди. А ты что скажешь?

— Многие азиаты хотят переехать в Австралию, но отнюдь не всем нравится здесь жить. Я против них не выступаю. По мне, пускай приезжают.

Харри показалось, что он понял подтекст: «Все равно мой народ уже потерял эту землю».

— Меньше года назад азиатам и мечтать не приходилось о том, чтобы получить здесь вид на жительство — власти по мере сил пытались сохранить страну для белых. Официально — чтобы избежать крупных межнациональных конфликтов, ведь попытки «ассимилировать аборигенов в социум» обернулись, мягко говоря, неудачей. Но потом японцы предложили свои инвестиции, и власти запели по-новому. Вдруг оказалось, что нельзя изолироваться от мира, а надо все делить с соседями. Ближайший наш сосед — Азия. Вскоре Япония стала основным торговым партнером Австралии, обогнав США и Европу. Японские компании начали строить отели вдоль Золотого берега до самого Брисбена. Теперь там японские директора, повара и администраторы, а австралийцам достались места горничных и помощников официанта. И протеста с их стороны ждать уже недолго. Кому же понравится быть на побегушках в собственной стране?

— И твоему народу это не нравится, верно?

Улыбка Эндрю стала свирепой:

— Европейцы никогда не просили у аборигенов вид на жительство.

Харри взглянул на часы. До открытия бара «Олбери», где работала Ингер Холтер, оставалось не больше двух часов.

— Ты не хочешь сначала заехать домой? — спросил он.

Эндрю покачал головой.

— Кого я сейчас там найду, кроме себя?

— Сейчас?

— Ну да. Это «сейчас» длится уже десять лет. Я разведен. Жена живет в Ньюкасле вместе с дочками. Я стараюсь навещать их почаще, но это далекоовато, да и девчонки скоро вырастут — по выходным им будет не до меня. В их жизни появятся и другие мужчины. Одной четырнадцать, другой пятнадцать. Маленькие красивые плутовки. Черт! Всякому, кто только подойдет к их двери, не поздоровится!

Эндрю широко улыбнулся. Этот человек не может не нравиться, подумал Харри.

— Так уж мир устроен, Эндрю.

— Это верно, приятель. А у тебя как?

— Ну... Жены нет. Детей нет. Собаки нет. Все, что у меня есть, — это мой шеф, мой отец и пара людей, которых я зову приятелями, хотя они звонят мне раз в год. Или я им.

— Именно в таком порядке?

— Именно в таком.

Они рассмеялись. За окном начиналась вечерняя сутолока. Эндрю заказал еще пива («Виктория», горькое). Из магазинов и банков выливался поток людей: седые горбоносые греки, азиаты в темных костюмах и очках, голландцы и рыжие девицы, несомненно английского происхождения.

Они бежали, чтобы не упустить автобус на Параматта, спешили к метро. Деловой люд в шортах — типично австралийское явление, как сказал Эндрю, — торопился на пристань, чтобы успеть на паром, отплывающий к пригородам на северной стороне залива Порт-Джексон.

— Куда теперь? — спросил Харри.

— В цирк! Он как раз на этой улице, а я обещал приятелю как-нибудь заскочить. «Как-нибудь» и значит «сейчас», ведь верно?

Немногочисленная труппа цирка «Энергетик» уже начала свое бесплатное вечернее

представление для немногочисленной, но молодой и оживленной аудитории. Раньше, когда в Сиднее еще были трамваи, сказал Эндрю, в этом здании были электростанция и трамвайное депо. А теперь оно походило на музей современности. Две девушки только что закончили номер на трапеции — не особенно эффектный, но заслуживший бурные и искренние аплодисменты.

На манеже одновременно появились огромная гильотина и клоун в пестром костюме и фригийском колпаке по французской революционной моде. На радость ребятишкам, он спотыкался и показывал фокусы. Потом вышел другой клоун, в длинном белом парике, и до Харри постепенно дошло, что он будет изображать Людовика XVI.

— Приговорен к смерти большинством в один голос, — объявил клоун во фригийском колпаке.

Приговоренного быстро возвели на эшафот, и после шумных жалоб и воплей он, к великому веселью детишек, положил голову прямо под нож гильотины. Послышалась барабанная дробь, нож упал, и, ко всеобщему (включая Харри) удивлению, после звука, напоминающего стук топора в лесу, голова монарха отвалилась. Подпрыгивая, она покатила по сцене и угодила в корзину. Свет погас, а когда зажегся снова, безголовый король стоял на сцене с собственной головой под мышкой. Детской радости не было предела. Свет снова погас, и вот уже на манеже стояла и раскланивалась труппа в полном составе. Представление закончилось.

Зрители направились к выходу, а Эндрю и Харри — за сцену. В импровизированной примерной артисты уже снимали костюмы и смывали грим.

— Отто, поздоровайся с гостем из Норвегии, — прокричал Эндрю.

Один из артистов, тот, что изображал Людовика XVI, обернулся. Без парика и в размытом гриме он выглядел не слишком величественно.

— А, индеец Тука!

— Харри, это Отто Рехтнагель.

Отто изящно протянул руку и шелкнул пальцами, а когда немного растерявшийся Харри слегка пожал ее, изобразил возмущение:

— А поцелуй, красавчик?

— Отто думает, что он — дама. Благородного происхождения, — пояснил Эндрю.

— Брось, Тука. Отто знает, что он мужчина. Что это вы, молодые люди? Не хотите ли убедиться сами?

У Харри покраснели уши. Клоун перевел свои накладные ресницы на Эндрю:

— А твой дружок умеет говорить?

— Прошу прощения. Меня зовут Харри... э-э... Хоули. Мне понравился ваш номер. И костюмы. Очень... натурально. И необычно.

— Людовик номер шестнадцать? Необычно? Да что вы, это же классика жанра. Впервые этот номер был поставлен семьей Яндашевских всего через две недели после подлинной казни в январе 1793 года. Народу понравилось. Народу всегда нравятся публичные казни. Знаете, сколько раз в год американские телеканалы прокручивают убийство Кеннеди?

Харри покачал головой.

Отто задумчиво посмотрел в потолок.

— Без конца.

— Отто считает себя последователем великого Янди Яндашевского.

— Неужели? — В знаменитых клоунских династиях Харри особо не разбирался.

— Тука, я-то думал, твой приятель смыслит, что к чему. Итак, семья Яндашевых была музыкальной комической труппой, которая в начале XX века приехала на гастроли и обосновалась в Австралии. До самой смерти Янди в 71-м они руководили цирком. Я впервые увидел Янди, когда мне было шесть лет. С тех пор я знал, кем стану, когда вырасту. И я им стал.

Грустная клоунская улыбка проступила сквозь грим.

— А как вы друг с другом? — спросил Харри. Эндрю и Отто переглянулись. По их выражению он понял, что ляпнул что-то не то. — В смысле — познакомились... Ну, полицейский и клоун... не совсем...

— Это долгая история, — ответил Эндрю. — Мы, можно сказать, росли вместе. Отто, разумеется, маму родную бы продал за кусок моей задницы, но я с детства бегал за девчонками и вел себя как мерзкий гетеросексуал. Наверное, дурная наследственность или окружающая среда, как думаешь, Отто?

Эндрю рассмеялся, но Отто жестом заставил его заткнуться.

— Не было бы у тебя денег и работы, и твоя попка досталась бы мне, — посетовал он. Харри посмотрел вокруг: другие члены труппы, казалось, не обращали на их разговор никакого внимания. Одна из девушек, выступавших на трапеции, подмигнула полицейскому.

— Мы с Харри собираемся вечерком прогуляться до «Олбери». Составишь компанию?

— Ты же знаешь, Тука, я туда больше ни ногой, — раздраженно бросил Отто.

— Пересиль себя, Отто. Ведь жизнь продолжается.

— Ты имеешь в виду, продолжается у других. А моя остановилась здесь, именно здесь. Любовь гибнет, и я вместе с ней. — Он театрально приложил руку ко лбу.

— Как хочешь.

— К тому же мне надо заскочить домой — покормить Вальдорфа. Идите без меня, я, может, подойду попозже.

— До свидания. — Харри чмокнул протянутую ему руку.

— До скорого свидания, красавчик!

Солнце уже зашло, когда они нашли автостоянку на Оксфорд-стрит в Паддингтоне, рядом с парком. У входа красовалась табличка «Green Park», хотя трава уже пожухла и стала коричневой, и, кроме беседки в самом центре, зеленого там ничего не было. Под деревом валялся пожилой абориген. Одежда изодрана в клочья, а сам до того грязный, что казался скорее серым, чем черным. Завидев Эндрю, он приветственно помахал рукой, но тот никак не отреагировал.

В баре «Олбери» народу было столько, что полицейские с трудом протиснулись в стеклянные двери. Харри постоял у входа, разглядывая пеструю толпу посетителей. Кого здесь только не было, но больше всего молодых людей: рокеров в потертых куртках, «яппи» в строгих костюмах, «художников» с бородками и коктейлями, симпатичных белобрых и белозубых поклонников серфинга и чернокожих эм-си — как их назвал Эндрю, «байкиз». Посреди бара в полном разгаре было шоу с участием длинноногих девиц в чересчур откровенных темно-красных нарядах. Они скакали вокруг стойки и под фонограмму пели «I will survive» Глории Гейнор. Время от времени они подменяли тех, кто обслуживал посетителей, подмигивая и откровенно заигрывая с ними.

Растолкав посетителей локтями, Харри подошел к стойке и сделал заказ.

— Сию минуту, милашка! — пробасила официантка в римском шлеме и лукаво ухмыльнулась.

— Слушай, мы с тобой что, единственные в этом городе, у кого нормальная ориентация? — спросил Харри, возвращаясь к напарнику с пивом и стаканом сока.

— После Сан-Франциско здесь самое большое в мире скопление голубых, — признал Эндрю. — В сельской местности у нас извращенцев не слишком жалуют. Ну вот деревенские педерасты и тянутся в Сидней со всей Австралии. Да и не только с Австралии — со всего мира.

Они подошли к другой стойке в глубине бара, и Эндрю обратился к девушке, стоявшей к ним спиной. У девушки были рыжие волосы — таких рыжих Харри в жизни не видел. Они доходили до задних карманов обтягивающих джинсов, однако не скрывали стройную спину и округлые бедра. Девушка обернулась и улыбнулась ослепительнобелой улыбкой. У нее были красивые, тонкие черты лица, небесно-голубые глаза и бесчисленные веснушки. Обидно, если она окажется мужчиной, подумал Харри.

— Привет, это опять я. — Эндрю старался перекричать громоподобное диско семидесятых. — Помните, я спрашивал про Ингер. Есть время поговорить?

Рыжая посерьезнела, кивнула и, сказав что-то своим напарникам, пошла в курилку за кухней.

— Что-нибудь нашли? — спросила она по-английски. Одной этой фразы хватило, чтобы Харри понял: она куда лучше говорит по-шведски.

— Однажды я встретил старика, — сказал Харри по-норвежски. Девушка удивленно посмотрела на него. — Он плавал по Амазонке. После того как он сказал мне три слова по-португальски, я понял, что он швед. Он прожил там тридцать лет. А я ни слова не знаю по-португальски.

Удивление девушки сменилось звонким смехом, напомнившим Харри пение лесной птицы.

— *Är det verkligen så uppenbart?*^[8] — спросила она спокойным низким голосом, слегка грассируя.

— Интонация, — объяснил Харри. — Вы никак не можете отвыкнуть от своей интонации.

— Ребята, вы что, знакомы? — услышали они английскую речь. Эндрю с подозрением смотрел на них.

Харри взглянул на девушку.

— Да нет, — ответила та.

А жаль, подумал Харри про себя.

Ее звали Биргитта Энквист, она прожила в Австралии уже четыре года и год проработала в баре «Олбери».

— Ну разумеется, мы иногда болтали на работе, но близкими подругами не были — она как-то держалась в стороне. Мы иногда всей толпой выбирались в город погулять. Ингер ездила с нами, но особо себя там не проявляла. Когда пришла сюда устраиваться, она только-только съехала от своего парня в Ньютауне. Насколько мне известно, они долго были вместе, но это все. И еще — она очень любила находить в жизни что-то новое.

— А вы не представляете, с кем из своих знакомых она чаще всего встречалась? —

спросил Эндрю.

— Сказать по правде, нет. Я же говорю, она особенно о себе не распространялась. Да и мне это было не слишком интересно. В октябре она ездила в Квинсленд и там повстречалась с какими-то ребятами, потом поддерживала с ними контакт. Может, и парня она там подцепила — он как-то заходил сюда. Но ведь об этом я уже рассказывала? — Ее голос звучал вопросительно.

— Да, да, я знаю, фрекен Энквист, просто хочу, чтобы это услышал мой норвежский коллега, а заодно и посмотрел, где работала Ингер. Может быть, мы здесь, в сиднейской полиции, чего-то не заметили, и на это нам укажет Харри Хоули — лучший следователь Норвегии.

Харри закашлялся.

— А кто такой «мистер Вин»? — наконец спросил он не своим голосом.

— «Мистер Вин»? — Биргитта удивленно посмотрела на полицейских.

— Ну, не актер Роуен Аткинсон, а тот, который, по-вашему, на него похож.

— А-а, «мистер Бин»! — Биргитта снова залилась своим звонким смехом. Как он ей идет, подумал Харри. — Это наш управляющий Алекс. Он всегда опаздывает.

— У нас есть основания полагать, что он интересовался Ингер.

— Да, она ему нравилась. И не только она — большинство девушек, работающих в баре, изнывают от его навязчивых ухаживаний. Мы еще называем его Камбалой. А кличку «мистер Бин» придумала Ингер. Ему, бедняге, тоже нелегко: за тридцать, живет с матерью, и вряд ли что-нибудь изменится. Но управляющий он хороший. И человек безобидный, если это вас интересует.

— А вы откуда знаете?

Биргитта почесала нос:

— Ну, по нему видно.

Харри сделал вид, будто записывает ее слова.

— А вы не вспомните кого-нибудь из знакомых Ингер, по кому было бы видно другое?

— Сюда много народу ходит. Не все ведь педики. Ингер многим нравилась, она красивая. Была. Но вот так чтобы вспомнить... Пожалуй...

— Да-да?

— Да нет, ничего.

— В рапорте сказано, что в ночь убийства Ингер была здесь. Вы не знаете, она договаривалась встретиться с кем-нибудь после работы или собиралась сразу пойти домой?

— Она забрала с кухни остатки еды, сказала, для псины. Я и не знала, что у нее есть собака, поэтому спросила, куда она собирается. Она сказала, что домой. Больше я ничего не знаю.

— Дьявол, — пробормотал Харри. И в ответ на недоуменный взгляд Биргитты пояснил: — У ее домовладельца есть тасманийский дьявол. Значит, эту тварь надо было чем-нибудь умаслить, чтобы проскочить в дом целой и невредимой.

Поблагодарив Биргитту, полицейские уже собирались уходить, когда девушка сказала:

— Мы здесь, в «Олбери», все очень сожалеем о том, что произошло. Как там ее родители?

— Да боюсь, не очень хорошо, — ответил Харри. — Естественно, оба в шоке. И винят себя в том, что позволили ей сюда уехать. Гроб с телом отправят в Норвегию завтра. Если хотите послать цветы на похороны, я могу дать вам адрес в Осло.

— Спасибо, очень любезно с вашей стороны.

Харри хотелось спросить еще кое о чем, но решил, что это будет неуместно после беседы о смерти и похоронах. Напоследок он поймал ее улыбку, и долго еще она сияла у него перед глазами.

— Черт! — пробормотал он. — А, была не была.

В баре гремела музыка «Walking On Sunshine», и все трансвеститы, а также некоторые гости дергались под нее, забравшись на стойку бара.

— В таких местах, как «Олбери», печали и скорби не задерживаются, — заметил Эндрю.

— Неудивительно, — отозвался Харри. — Жизнь продолжается.

Попросив Эндрю подождать, он вернулся в бар и помахал рукой Биргитте:

— Прошу прощения, еще один вопрос.

— Да?

Харри сделал глубокий вдох. Он уже пожалел, что сказал это, но отступить было поздно.

— Вы не знаете, здесь есть какой-нибудь хороший тайский ресторан?

Биргитта задумалась:

— Да-а... есть, на Бент-стрит, в Сити. Знаете, где это? Говорят, очень даже приличный.

— Раз так, не могли бы вы сходить туда со мной?

Как-то глупо звучит, подумал Харри. И непрофессионально. Даже слишком. Биргитта обреченно вздохнула. Но Харри понял, что это — начало. К тому же она улыбнулась.

— Вы часто так делаете, господин следователь?

— Бывает.

— И как, срабатывает?

— В плане статистики? Не очень.

Она рассмеялась и с интересом посмотрела на Харри. Потом пожала плечами.

— А почему бы и нет? Среда у меня выходной. Встречаемся в девять. И платишь ты, *snutjävel*^[9].

Когда Харри открыл глаза, было всего три часа ночи. Он попытался заснуть снова, но не мог отвлечься от мыслей о странном убийстве Ингер Холтер и о том, что сейчас в Осло восемь вечера. К тому же он вспоминал веснушчатое лицо, которое видел всего пару минут, а потом чувствовал себя последним дураком.

— Ну и олух ты, Холе! — ругал он себя шепотом в темноте.

В шесть часов он понял, что надо вставать. Приняв освежающий душ, Харри вышел навстречу неяркому небу и утреннему солнцу и стал искать, где бы позавтракать. Со стороны Сити доносился гул, но городская суета пока еще не достигла своего пика. У района Кингз-Кросс был свой шарм, свое очарование небрежности, и Харри заметил, что идет, напевая какой-то веселый мотивчик. На улицах пусто, если не считать нескольких загулявших полуночников, спящей парочки, мило устроившейся под одеялом на лестнице, и легко одетой бледной проститутки, заступившей на утреннюю смену.

Возле ресторанчика у обочины стоял его владелец и мыл тротуар. В замечательном настроении Харри заказал ветчину и тост и расправился с завтраком, глядя, как легкий ветерок заигрывает с салфеткой на столе.

— Что-то рановато, Хоули, — сказал Маккормак. — Ну и правильно: мозг лучше всего работает утром, между половиной седьмого и одиннадцатью. А потом уже толку не жди. К тому же с утра тут тихо. Зато в девять начинается такой бедлам, что я простой мысли в голове удержать не могу. Ты, думаю, тоже. А вот у сына в комнате вечно гремит магнитофон. Говорит, в тишине он не может делать уроки. Представляешь?

— ...

— Но вчера я решил, что с меня хватит, вошел к нему и вырубил эту адскую машину. А он кричит: «Я иначе не могу сосредоточиться!» Я ему сказал, что нормальные люди так не читают. А он мину скорчил: «Люди, папуля, бывают разные!» Ну что с него взять, в его-то возрасте?

Маккормак приумолк и посмотрел на фотографию на своем столе.

— А у тебя есть дети, Хоули? Нет? Я вот иногда задаюсь вопросом: чего я, собственно говоря, достиг в жизни? Кстати, в какой дыре тебя поселили?

— Отель «Кресент» на Кингз-Кросс, сэр.

— Ну да, Кингз-Кросс. Ты не первый норвежец, которому довелось там пожить. Пару лет назад сюда с официальным визитом приезжал епископ Норвегии или вроде того — не помню, как по имени. Но помню, его ребята заказали ему номер в отеле на Кингз-Кросс. Решили, что «Кингз-Кросс» — это «Царский крест» или что-нибудь еще в библейском духе. Ну, значит, приезжает он туда, сразу же попадает на глаза местным шлюхам, и одна из них подходит к нему и делает довольно откровенное предложение. Бьюсь об заклад, епископ выписался из отеля еще до того, как туда занесли его чемоданы...

Маккормак смеялся, пока на глазах не выступили слезы.

— Вот оно как, Хоули. Ну так чем думаешь заняться сегодня?

— Думал взглянуть на тело Ингер Холтер, пока его не отправили в Норвегию, сэр.

— Дождись Кенсингтона — он проводит тебя до морга. Но ты ведь читал копию отчета

о вскрытии?

— Да, конечно, просто я...

— Просто — что?

Отвернувшись к окну, Маккормак пробормотал что-то, что Харри принял за одобрение.

На улице было плюс двадцать восемь, а в подвале морга Южного Сиднея — плюс восемь.

— Много нового узнал? — спросил Эндрю, поплотнее запахиваясь в пиджак.

— Да в общем-то нет. — Харри смотрел на останки Ингер Холтер. Лицо при падении относительно не пострадало. Да, кончик носа разбит, на одной щеке — заметная вмятина, но никаких сомнений в том, что это лицо той самой улыбающейся девушки с фотографии, приложенной к полицейскому отчету. Вокруг шеи черные отметины, по всему телу — синяки, раны и несколько глубоких порезов, а в одном месте видна белая кость.

— Родители хотят посмотреть на снимки. Норвежский посол пытался их отговорить, но адвокат настоял. Не думаю, что матери стоит видеть дочь в таком виде, — покачал головой Эндрю.

Харри взял лупу и стал внимательно изучать синяки на шее.

— Душили голыми руками. Это не так-то просто. Убийце либо силы не занимать, либо он одержим жаждой убийства.

— Или есть опыт в подобных делах.

Харри посмотрел на Эндрю:

— В смысле?

— У нее нет ни кожи под ногтями, ни волос убийцы на одежде, по рукам не скажешь, что она отбивалась. Она погибла так быстро, что почти не успела оказать сопротивление.

— Вы с похожим уже сталкивались?

Эндрю пожал плечами:

— Поработай здесь с мое — любое убийство будет на что-то похоже.

Да нет, подумал Харри. Как раз наоборот. Чем дольше работаешь, тем больше убеждаешься, что в каждом убийстве есть свои детали и нюансы, делающие его непохожим на остальные.

Эндрю посмотрел на часы:

— Через полчаса утреннее совещание. Надо поторапливаться.

Начальником следственной группы был Ларри Уодкинс, выпускник юридического факультета, стремительно взбежавший по карьерной лестнице. Губы тонкие, волосы редкие. Говорит кратко, быстро и по делу, не заботясь о ненужных интонациях и прилагательных.

— Да, и о вежливости, — признался Эндрю. — Опытный следователь, но не из тех, кого просишь позвонить родителям, когда дочь находят мертвой. К тому же он, когда нервничает, начинает ругаться. Правая рука Уодкинса — Сергей Лебье, подтянутый югослав с бритой головой и острой бородкой, что делало его похожим на Мефистофеля в костюме. Вообще-то Эндрю недолюбливал людей, которые слишком заботятся о своей внешности.

— Но Лебье — совсем другое дело. Он не павлин, просто хочет выглядеть аккуратно. А еще у него есть привычка во время разговора изучать свои ногти. Но не чтобы кого-то задеть. А в обеденный перерыв он чистит свои туфли. И разговаривать особо не любит: ни о себе, ни о чем-либо другом.

Самым младшим в команде был Юн Суэ — невысокий сухощавый паренек с неизменной

улыбкой. Его семья приехала в Австралию из Китая тридцать лет тому назад. А лет десять назад, когда Суэ было девятнадцать, родители решили съездить на родину и не вернулись. Дед говорил, что сын «ввязался в политику», но не распространялся на эту тему. Суэ так и не узнал, что же с ними произошло. Теперь на нем были старики и двое младших братьев, поэтому он работал по двенадцать часов в сутки, из которых по меньшей мере десять улыбался.

— Если знаешь тупую шутку — расскажи ее Суэ. Он смеется надо всем, — говорил Эндрю по дороге.

Итак, все они собрались в тесной комнатухе с жалобно скрипящим вентилятором под потолком. Уодкинс встал у доски и представил Харри остальным.

— Наш норвежский коллега перевел письмо, найденное в квартире Ингер. Что ты можешь о нем рассказать, Хоул?

— Хоу-ли.

— Прошу прощения, Хоули.

— Ну, она пишет о человеке по имени Эванс. И судя по всему, именно его она держит за руку на фотографии над письменным столом.

— Мы проверили, — сказал Лебье. — Похоже, что это Эванс Уайт.

— Вот как? — Уодкинс удивленно поднял тонкую бровь.

— О нем нам известно не так много. Родители приехали из Штатов в конце шестидесятых и получили вид на жительство. Тогда это не было проблемой, — добавил Лебье. — Так или иначе, они колесили по стране, практикуя вегетарианство и балуясь марихуаной и ЛСД, по тем временам дело обычное. Потом родился Эванс, родители развелись, и, когда парню было восемнадцать, отец уехал обратно в Штаты. Мать занимается знахарством, сайентологией и всякого рода мистикой. На каком-то ранчо на Золотом берегу она открыла свое заведение, так называемый «Хрустальный храм», и там продает туристам и духовным искателям камни-амулеты и всякое привозное барахло из Таиланда. В восемнадцать лет Эванс решил заняться тем же, что и большинство австралийских подростков. — Он посмотрел на Харри. — То есть ничем.

Эндрю откинулся на спинку кресла и громко пробурчал:

— Да, хорошо просто бродить по Австралии, заниматься серфингом и жить на деньги налогоплательщиков. Отличная социальная система, отличный климат. Отличная у нас страна! — И он снова сел прямо.

— У него уже давно нет определенного места жительства, — продолжил Лебье. — Но нам известно, что не так давно он обитал где-то на окраине Сиднея вместе с «белой рванью». Однако те, у кого мы спрашивали, говорят, он куда-то запропал. Его ни разу не арестовывали. Так что единственное его фото, какое у нас есть, — фотография на паспорт, который он получил в тринадцать.

— Да вы волшебники, — заметил Харри. — Это ж как вам удалось по одной фотографии и имени так быстро отыскать парня среди восемнадцати миллионов?

Лебье кивнул на Кенсингтона.

— Эндрю узнал город на фотографии. Копию фотографии мы отправили в местный полицейский участок, и они выдали нам имя. Оказалось, что там парень «занимает положение в определенных кругах». В переводе на нормальный язык это значит, что он — один из наркобаронов, торгует марихуаной.

— Судя по всему, городок совсем небольшой, — предположил Харри.

— Нимбин, свыше тысячи жителей, — сообщил Эндрю. — Основным занятием было молочное животноводство, до тех пор пока в 1973 году Австралийское национальное студенческое общество не надумало провести так называемый фестиваль «Аквариус». — На лицах у присутствующих появились ухмылки. — Собственно говоря, лозунгами фестиваля были идеализм, альтернативный образ жизни, возврат к природе и все такое прочее. Газеты только и писали, что о студентах, которые ходили нагишом и занимались сексом направо и налево, не считаясь с приличиями. Праздник длился десять дней, но кое у кого он затянулся. Почва в окрестностях Нимбина плодородная. Для всего. И сейчас я, если можно так выразиться, сомневаюсь, что молочное животноводство там по-прежнему важная статья дохода. На главной улице, в пятидесяти метрах от полицейского участка, находится самый открытый в Австралии рынок, где торгуют марихуаной. Не удивлюсь, если и ЛСД.

— Так или иначе, — подытожил Лебье, — Эванса, если верить полиции, недавно видели в Нимбине.

— В настоящее время губернатор Нового Южного Уэльса развернул борьбу с наркотиками, — вставил Уодкинс. — Должно быть, правительство заставило его ужесточить меры против растущей наркомании.

— Точно, — кивнул Лебье. — Полиция делает аэрофотосъемку полей, засеянных коноплей.

— К делу, — сказал Уодкинс. — Нужно найти этого парня. Кенсингтон, ты, похоже, неплохо ориентируешься в тех краях, а вам, Хоули, будет интересно поехать по Австралии. Маккормак позвонит в Нимбин, предупредит о вашем приезде. Юн, продолжай стучать по клавиатуре и искать, искать, искать. *Let's make some good!*^[10]

— *Let's have some dinner*^[11], — бросил Эндрю.

Смешавшись с туристами, они сели на монорельс до бухты Дарлинг, сошли в Харборсайде и расположились на обед в кафе под открытым небом с видом на залив.

Мимо продефилировали длинные ноги на высоких шпильках. Эндрю не постеснялся охнуть и присвистнуть, обратив на себя внимание посетителей. Харри покачал головой.

— Как поживает твой друг Отто?

— Ну... Места себе не находит. Ему предпочли женщину. Говорит, если у твоего любовника кроме тебя есть женщина, он останется с ней, а не с тобой. Не беда, ему не впервой. Как-нибудь переживет.

Харри показалось, что на него упала пара капель. Он удивленно взглянул на небо — и правда, с северо-запада незаметно подкралась тяжелая грозовая туча.

— А как ты узнал Нимбин по фотографии какого-то дома?

— Нимбин? Забыл тебе сказать: я старый хиппи, — осклабился Эндрю. — Всем известно, что те, кто хвастает, будто помнит фестиваль «Аквариус», на самом деле врут. Ну я-то во всяком случае помню дома на главной улице. И ощущение, как будто оказался в бандитском городке из вестерна, раскрашенном каким-то психом в сиреневый и золотой. Думаю, эти цвета застряли в моем подсознании, так на меня подействовало их сочетание. И я сразу вспомнил про них, увидев ту фотографию.

После обеда Уодкинс созвал еще одно совещание. На этот раз кое-что интересное удалось найти Юн Суэ.

— Я просмотрел все нераскрытые убийства в Новом Южном Уэльсе за последние

десять лет и нашел четыре похожих на наше. Трупы найдены в глухих местах: два в мусорных кучах, один — на опушке леса, возле шоссе, и еще один всплыл в реке Дарлинг. Женщины сперва были изнасилованы и убиты в другом месте, а потом выброшены. И что самое важное — все до одной задушены и у всех на шее были синяки от пальцев.

Юн Суэ ослепительно улыбнулся.

Уодкинс откашлялся:

— Тебя малость занесло, Суэ. Удушение — не такой уж редкий способ убийства, если оно сопряжено с изнасилованием. А география, Суэ? Река Дарлинг — это черт-те где! За сто километров от Сиднея.

— Здесь загвоздка, сэр. Я не могу выявить никакой территориальной закономерности.

Вид у Юна был измученный.

— Тогда не думаю, что на основании того, что за десять лет по всей стране были найдены четыре задушенные женщины...

— Еще кое-что, сэр. У всех них светлые волосы. И не просто светлые, а белые.

Лебье тихо присвистнул. За столом стало тихо.

Лицо Уодкинса оставалось недоверчивым.

— Юн, ты можешь сделать кое-какие подсчеты? Посмотри статистику, прикинь, как эти дела с ней соотносятся, насколько они выходят за рамки обычного, чтобы нам не бить тревогу раньше времени. Для большей надежности проверь всю Австралию. Разбери в том числе нераскрытые случаи изнасилования. Может, там что найдется.

— На это уйдет какое-то время. Но я постараюсь, сэр, — снова улыбнулся Юн.

— Хорошо. Кенсингтон и Хоули, почему вы еще не в Нимбине?

— Уезжаем завтра утром, сэр, — ответил Эндрю. — В Литгау свежий случай изнасилования, и я хочу сначала заняться им. Мне кажется, здесь возможна какая-то связь с нашим делом. Мы как раз собирались туда отправиться.

Уодкинс наморщил лоб:

— Литгау? Кенсингтон, мы работаем в команде. А это значит, обсуждаем и координируем наши действия, а не просто мечемся, как нам в голову взбредет. По-моему, мы здесь не обсуждали никакого изнасилования в Литгау.

— У меня просто предчувствие, сэр.

Уодкинс вздохнул:

— Ну да, Маккормак говорит, что у вас какая-то там особая интуиция...

— У нас, аборигенов, связь с миром духов сильнее, чем у вас, бледнолицых.

— В моем отделении, Кенсингтон, подобные соображения в расчет не берутся.

— Я просто пошутил, сэр. Но это дело интересует меня и по другой причине.

Уодкинс покачал головой:

— Ладно, только не пропусти, пожалуйста, утром свой самолет.

По шоссе они доехали до Литгау — промышленного городка с десятью-двенадцатью тысячами жителей, напомнившего Харри большой поселок. Возле полицейского участка горел проблесковый маячок, бросая осколки синего света на стоящий рядом столб.

Начальник полиции принял их радушно. Он оказался добродушным толстяком с немислимым двойным подбородком и фамилией Ларсен. У него были дальние родственники в Норвегии.

— У вас в Норвегии есть знакомые Ларсены? — спросил он.

— И не один, — ответил Харри.

— Да, бабушка рассказывала, что у нас там большая семья.

— Это точно.

Дело об изнасиловании Ларсен помнил хорошо.

— По счастью, в Литгау такое нечасто. Случилось это в начале ноября. Женщина возвращалась домой с фабрики, с ночной смены. В переулке ее сбили с ног, посадили в машину и увезли. Угрожая жертве ножом, преступник отвез ее в лес у подножия Голубых гор, где изнасиловал на заднем сиденье. Он уже схватил ее за шею и начал душить, когда услышал позади автомобильный сигнал. Водитель ехал в загородный дом и, решив, что помешал влюбленной парочке, не стал выходить из машины. Пока насильник перебирался на переднее сиденье, женщина успела выскочить и бросилась ко второй машине. Насильник понял, что его дело плохо, нажал на газ и уехал.

— Кто-нибудь заметил номер автомобиля?

— Нет, ведь было темно, да и все произошло слишком быстро.

— А женщина успела разглядеть преступника? Обратила внимание на особые приметы?

— Конечно. Ну, то есть... В общем, было темно.

— У нас с собой есть одна фотография. А у вас есть адрес той женщины?

Ларсен достал архивную папку и, тяжело дыша, начал листать страницы.

— И еще, — сказал Харри. — Вы не знаете, она не блондинка?

— Блондинка?

— Ну да, у нее случайно не светлые волосы? Может, белые?

Дыхание Ларсена стало еще тяжелее, двойной подбородок затрясся. Харри понял, что толстяк смеется.

— Нет, не думаю, приятель. Она — куури.

Харри вопросительно посмотрел на Эндрю.

— Она черненькая, — устало пояснил тот.

— Как уголь, — добавил Ларсен.

— Куури — это название племени? — спросил Харри, снова оказавшись в машине.

— Ну, не совсем, — сказал Эндрю.

— Не совсем?

— Долго рассказывать. В общем, когда в Австралию прибыли белые, там уже было шестьсот-семьсот местных племен — это 750 тысяч жителей. Они говорили на 250 языках, некоторые были так же непохожи, как английский и китайский. Но благодаря огнестрельному оружию, невиданным дотоле болезням, расовой интеграции и другим благам, которые принесли с собой белые, местное население заметно сократилось. Вымирали целые племена. И когда от изначальной племенной структуры ничего не осталось, тех, кто выжил, стали обозначать общими названиями. Здесь, на юго-востоке, аборигенов называют «куури».

— А скажи мне, почему ты сначала не проверил, блондинка она или нет?

— Я ошибся. Наверное, какой-то компьютерный сбой. Что, у вас в Норвегии такого не бывает?

— Эндрю, ты понимаешь, что на такие марш-броски у нас сейчас нет времени!

— Почему? У нас даже есть время, чтобы тебя развеселить. — Эндрю резко повернул направо.

— Куда мы едем?

— Вообще-то на Австралийскую ярмарку сельскохозяйственной продукции.

— Ярмарку? Эндрю, у меня сегодня вечером встреча!

— Да? Думаю, с «Мисс Швеция»? Да ладно, успокойся, успеешь! Но как представителя правоохранительных органов должен тебя предупредить: личные отношения с потенциальным свидетелем могут привести к...

— Ну разумеется, этот ужин имеет отношение к расследованию. У меня к ней кое-какие вопросы.

— Ну конечно.

Рыночная площадь казалась обширной проплешиной среди густо посаженных фабричных корпусов и гаражей. Когда Харри и Эндрю подъехали к большому шатру, воздух еще был насыщен выхлопными газами — только что прошли гонки на тракторах. На площади кипела жизнь: повсюду шумели и кричали, улыбались и пили пиво.

— Чудная смесь праздника и базара, — объявил Эндрю. — Такого в Норвегии не увидишь.

— Ну... у нас есть праздник «мартнад».

— «Ма-а-ар...» как?

— Не важно.

Возле шатра пестрели большие плакаты. «Команда боксеров Джима Чайверса» — гласила огромная огненная надпись. Ниже помещалась фотография десяти боксеров, очевидно, из этой команды. Тут же вкратце сообщалось о каждом: имя, возраст, место рождения, вес. И в самом низу слова: «Ты готов принять вызов?»

Внутри шатра, на ринге, в тусклом пучке света разминался первый боксер. Он прыгал в развевающемся блестящем халате и отрабатывал удары. К неопишуемому восторгу зрителей, на ринг вылез полный мужчина средних лет в потрепанном смокинге. Похоже, его здесь знали, потому что со всех сторон послышалось одобрительное скандирование: «Терри! Терри!»

Терри жестом прекратил крики и взял свисавший сверху микрофон. «Леди и джентльмены! — возгласил он. — Кто поднимет брошенную перчатку?» Одобрительный гул. Далее последовала длинная и витиеватая ритуальная речь о «благородном искусстве самозащиты», о почете и славе и о непростых отношениях с властями, которые осуждали бокс как проповедь жестокости. И в конце — тот же вопрос: «Кто поднимет брошенную перчатку?»

Кое-кто из зрителей поднял руку, и Терри жестом позвал их. Добровольцы выстроились в очередь у письменного стола, где им, по всей видимости, давали что-то подписывать.

— Что сейчас происходит? — спросил Харри.

— Эти ребята приехали из разных уголков страны, чтобы сразиться с кем-нибудь из боксеров Джима Чайверса. Победивший получит большие деньги и — что еще важнее — почет и славу. А сейчас они подписывают заявление, что находятся в добром здравии и понимают, что с этого момента организатор снимает с себя какую бы то ни было ответственность за внезапные изменения в их самочувствии, — объяснил Эндрю.

— Неужели это законно?

— Ну как сказать, — протянул Эндрю. — Вроде бы это запретили в 71-м, поэтому пришлось слегка изменить форму. Понимаешь, в Австралии у подобных развлечений давние

традиции. Имя Джимми Чайверса сейчас только этикетка. Настоящий Джимми разъезжал с командой боксеров по всей стране после Второй мировой. В чутье ему не откажешь! Позже некоторые из его ребят стали мастерами. Кого только не было в его команде: китайцы, итальянцы, греки! И аборигены. Добровольцы сами могли выбирать, против кого драться. И если ты, к примеру, антисемит, то вполне мог выбрать себе еврея. Хотя было очень вероятно, что это еврей тебя побьет, а не ты его.

Харри хохотнул:

— Но ведь это только разжигает расизм?

Эндрю почесал подбородок:

— Да как сказать. Во всяком случае, так можно было выплеснуть накопившуюся агрессию. В Австралии люди привыкли уживаться с разными культурами и расами. В общем-то получается неплохо. Но без трений все равно не обходится. И тогда уж лучше намять друг другу бока на ринге, а не на улице. Возьмем, скажем, борьбу аборигенов с белыми. За такими матчами всегда очень внимательно следили. Если абориген из команды Джимми Чайверса побеждал, в родном поселке он становился героем. И несмотря на все унижения, люди начинали гордиться собой и становились сплоченнее. Не думаю, чтобы это разжигало расовую вражду. Когда черный колотил белых, его скорее уважали, чем ненавидели. Если так посмотреть, австралийцы — спортивная нация.

— Ты рассуждаешь как деревенщина.

Эндрю рассмеялся:

— Почти угадал. Я окер. Одинокий человек из сельской местности.

— Совсем не похож.

Эндрю рассмеялся еще громче.

Начался первый поединок. В одном углу ринга — низенький и плотный рыжий паренек, который притащил сюда собственные перчатки и собственную группу поддержки. В другом — боксер из команды Чайверса, тоже рыжий, но еще ниже ростом.

— Ирландец против ирландца, — с видом знатока заметил Эндрю.

— Особая интуиция? — поинтересовался Харри.

— Нет, нормальное зрение. Рыжие — значит, ирландцы. Выносливые, черти, — драка затянется.

— Бей-бей, Джонни! Бей-бей-бей! — вопила группа поддержки.

Они успели повторить свою кричалку еще дважды, потом поединок закончился. Три удара по носу отбили у Джонни всякую охоту продолжать.

— Да, ирландцы теперь уже не те, что раньше, — вздохнул Эндрю.

А на следующий бой уже всюду делали ставки. Народ толпился вокруг двух букмекеров в широкополых кожаных шляпах, крича во все горло и протягивая немнущиеся австралийские купюры. Разговор с букмекером длился недолго, записей никто не делал, о том, что ставка принята, сообщали коротким кивком.

— Во что превратился игорный устав! — посетовал Эндрю и выкрикнул три-четыре слова, которые Харри не разобрал.

— Что ты сейчас сделал?

— Поставил сотню на то, что боец Чайверса победит до конца второго раунда.

— Ты думаешь, тебя кто-нибудь услышал?

Эндрю ухмыльнулся. Ему, очевидно, нравилось читать лекции.

— Неужели ты не увидел, что букмекер поднял одну бровь? Это, дружище, называется

многозадачностью. Частично врожденное свойство, частично — наживное. Умение слушать несколько вещей сразу, пропускать мимо ушей шум и видеть только главное.

— Слышать.

— И слышать. Пробовал когда-нибудь? В жизни пригодится.

Громкоговорители затрещали, и Терри, снова взяв микрофон, представил Робина Тувумбу по прозвищу Мурри из команды Чайверса и Бобби Пейна по прозвищу Лобби, местного богатыря, который с ревом выпрыгнул на ринг, сорвал с себя футболку и выпятил мощную волосатую грудь и накачанные плечи. Послав воздушный поцелуй прыгавшей возле ринга женщине в белом, Бобби с помощью двух помощников стал натягивать перчатки. В зале послышался гул: на ринг вылез Тувумба — высокий боксер, необычайно черный и красивый.

— Мурри? — переспросил Харри.

— Абориген из Квинсленда.

Болельщики Джонни оживились — они вдруг поняли, что могут использовать ту же кричалку и для Бобби. Ударили в гонг, боксеры начали сходитьсь. Белый выглядел крупнее и почти на голову выше своего черного противника, но невооруженным глазом было видно, что движения у Мурри легче и четче.

Ринувшись вперед, Бобби со всей силы обрушился на Тувумбу, но тот ловко увернулся. По толпе прокатился вздох, а женщина в белом выкрикнула что-то ободряющее. Когда Бобби провел еще пару неудачных атак, Тувумба подскочил к нему и осторожно, будто примеряясь, ударил по лицу. Бобби отступил на два шага, при этом лицо у него было такое, будто с него уже хватит.

— Надо было поставить две сотни, — сказал Эндрю.

Тувумба кружил вокруг противника, нанося ему время от времени несильные удары и ускользя от ответных. Мускулистый Бобби пыхтел и ревел от злобы — Тувумба нигде не задерживался больше чем на полсекунды. Зрители начали свистеть. Протянув руку, будто для приветствия, Тувумба двинул противника в живот. Бобби, скорчившись и не двигаясь, остался стоять в углу ринга. Тувумба с озабоченным лицом отступил на пару шагов.

— Добей его, черный сукин сын! — крикнул Эндрю. Тувумба удивленно посмотрел в его сторону, улыбнулся и помахал рукой: — Что ты стоишь как истукан?! Работай, придурок! Я на тебя деньги поставил!

Тувумба повернулся было, чтобы нанести Бобби последний удар, но тут раздался гонг. Боксеры разошлись по своим углам, ведущий взял микрофон. Женщина в белом уже была рядом с Бобби и ругалась на чем свет стоит, пока помощники открывали для него бутылку пива.

Эндрю был недоволен:

— Робин не хочет поранить белого, это хорошо. Но никчемный гаденыш должен считаться с тем, что я на него поставил!

— Ты с ним знаком?

— С Робинот Тувумбой? Конечно!

Снова гонг, но теперь Бобби стоял в углу и, глядя, как к нему уверенными шагами приближается Тувумба, высоко держал руки, прикрывая голову. Поэтому Тувумба снова ударил его в живот. Бобби снова сложился вдвое. Тувумба обернулся к Терри-ведущему — который также выполнял обязанности судьи, — чтобы тот прекратил бой.

Эндрю вскрикнул, но поздно.

Удар Бобби свалил Тувумбу с ног, и тот шлепнулся на ринг, а когда поднялся снова, противник налетел на него как ураган. Точные удары следовали один за другим, и голова Тувумбы отскакивала взад-вперед, как теннисный мячик. Из носа потекла струйка крови.

— Черт! *Hustler*] ^[12] — закричал Эндрю.

— *Hustler*?

— Наш приятель Бобби разыгрывал из себя любителя. Старый трюк, чтобы заставить чайвер-совского боксера расслабиться и раскрыться. Наверное, парень — местный мастер. Робин, раззява, тебя провели!

Тувумба заслонил лицо руками и прогнулся, а Бобби продолжал наносить короткие прямые удары левой рукой и тяжелые боковые и апперкоты — правой. Зрители были в восторге. Женщина в белом снова вскочила и кричала первый слог его имени:

— Бооо...

Терри качал головой. Группа поддержки уже скандировала новую кричалку:

— Бей-бей, Бобби! Бей-бей-бей! Бобби, Бобби, бей сильнее!

— Да-а... Ну все, — вздохнул Эндрю.

— Тувумба проиграт?

— Спятил? — Кенсингтон удивленно взглянул на Харри. — Тувумба его прикончит. Я-то надеялся, что сегодня все обойдется малой кровью.

Харри постарался увидеть то, что видел Эндрю. Тувумба откинулся на канаты ринга и, казалось, расслабился, в то время как Бобби молотил его по животу. На мгновение Харри подумал, что он сейчас заснет. Женщина в белом переместилась за спину Мурри. Бобби изменил тактику и теперь метил в голову, но Тувумба уходил от ударов, медленно и неторопливо раскачиваясь взад-вперед. Почти как очковая змея, подумал Харри, как...

Кобра!

Бобби замер, не успев довести удар до конца. Голова его была слегка повернута налево, на лице такое выражение, будто он только сейчас что-то вспомнил, глаза закатились, загубник вывалился, переносица сломана, из раны течет кровь. Дождавшись, пока Бобби начнет падать, Тувумба ударил снова. В шатре стало совсем тихо, и Харри услышал, с каким мерзким звуком нос Бобби встретил второй удар. И голос женщины в белом, которая кричала второй слог:

— ...бииии!

Бобби растекся в углу ринга в луже собственной крови.

Терри проскользнул на ринг и сказал, что бой окончен, хотя все и так поняли. В шатре по-прежнему стояла полная тишина, если не считать стука каблуков женщины в белом, когда та выбегала наружу. Спереди ее платье стало красным, а на лице было то же удивление, что и у Бобби.

Тувумба попробовал поднять Бобби на ноги, но его помощники оттащили тело. Послышались слабые и недолгие аплодисменты, но, когда Терри поднял вверх руку Тувумбы, они утонули в свисте. Эндрю покачал головой.

— Значит, сегодня многие поставили на местного бойца, — решил он. — Идиоты! Пойдем, получим выигрыш, да надо перекинуться словечком с этим болваном Мурри.

— Робин! Ты, недоумок! По тебе тюрьма плачет!

Робин Тувумба по прозвищу Мурри, прижимавший к одному глазу платок со льдом, расцвел в улыбке.

— Тука! Я слышал твой голос. Что, снова потянуло на азартные игры? — негромко спросил он. Любит, чтобы к нему прислушивались, тут же решил Харри. Голос был приятный и мягкий и, казалось, не мог принадлежать боксеру, который только что сломал нос человеку вдвое больше его.

Эндрю шмыгнул носом:

— Азартные игры, говоришь? Хорошо, если я теперь могу позволить себе ставить на ребят Чайверса. Да и то не наверняка. Того и гляди какой-нибудь белый отморозок тебя проведет. Что тогда? — Харри кашлянул. — Ах да, Робин, поздоровайся с моим другом. Его зовут Харри Хоули. Харри, это Робин Тувумба, самый скверный и опасный маньяк в Квинсленде.

Они поздоровались, и Харри показалось, будто его руку прищемили дверью. Простонал формальное «Как дела?» и получил в ответ «Отлично, дружище, как у тебя?» и белозубую улыбку.

— Лучше не бывает. — Харри потер руку. Эта австралийская манера здороваться в гроб его вгонит. А в ответ, по словам Эндрю, должна раздаваться искренняя и бурная радость. Вялое «спасибо, ничего» воспринималось здесь как оскорбление.

Тувумба кивком указал на Эндрю:

— Кстати, приятель, Тука говорил, что он в свое время сам боксировал в команде Джима Чайверса?

— Вот именно этого я не знал о... э-э, Туке. Он состоит из одних загадок.

— Тука? — рассмеялся Тувумба. — Да он состоит из одних отгадок. Сам тебе все рассказывает, только надо уметь слышать. Но он, естественно, не сказал, что из команды его попросили уйти потому, что он был слишком опасен? Тука, сколько у тебя на совести сломанных скул, носов и челюстей? Он долго был лучшим боксером в Новом Южном Уэльсе. Но вот беда — совсем не умел себя контролировать, ну несколько. В конце концов однажды отправил в нокаут судью за то, что тот, по мнению Туки, слишком рано присудил ему победу! Вот это буян так буян! Его дисквалифицировали на два года.

— На три с половиной, — осклабился Эндрю. Очевидно, ему нравилось слушать, как другие рассказывают о его боксерской карьере. — Парень был еще тот придурок, поверь. Я только сбил его с ног, а кости он себе сам все переломал.

Тувумба и Эндрю расхохотались.

— Когда я боксировал, Робин еще пешком под стол ходил. Так что пересказывает все с моих слов, — сказал Кенсингтон Харри. — Когда удавалось выкроить время, я работал с трудными детьми — был среди них и Робин. Я объяснял, как важно уметь себя контролировать. В назидание напел им пару страшилок про самого себя. Только Робин все понял неправильно и решил пойти по моим стопам.

Тувумба посерьезнел.

— Мы нормальные, славные ребята, Харри. Обычно даем им порезвиться, перед тем как врезать пару раз, чтоб не задавались, понимаешь? Но этот парень умел драться! Такие типы получают то, что заслужили.

Дверь приоткрылась.

— Черт тебя дери, Тувумба! Как будто у нас до этого проблем не хватало! Нет, обязательно надо сломать нос зятю шефа местной полиции! — пробурчал Терри-ведущий и с подчеркнутым недовольством шумно сплюнул.

— Просторефлекс, шеф, — сказал Тувумба, глядя на жирный бурый плевок. — Такое

больше не повторится. — Он незаметно подмигнул Эндрю.

Обнявшись напоследок с Эндрю, Тувумба попрощался с Харри на неизвестном языке, и норвежец поспешил дружески похлопать его по плечу, чтобы избежать рукопожатия.

— На каком языке вы говорили под конец? — спросил Харри, когда они сели в автомобиль.

— А, это! Креольский, смесь английского и слов аборигенов. На нем говорят многие аборигены по всей стране. Как тебе бокс?

Харри пожал плечами:

— Интересно было посмотреть, как ты зарабатываешь деньги, но сейчас мы могли бы уже добраться до Нимбина.

— Если бы мы не поехали сюда, то сегодня вечером тебя бы не было в Сиднее, — ответил Эндрю. — Таким женщинам так просто свидания не назначают. Может, потом она станет твоей женой и нарожает тебе маленьких Хоули?

Оба улыбнулись. За стеклом на фоне закатного неба проплывали мимо деревья и маленькие домики.

Засветло в Сидней они не успели, но телевышка посреди города освещала улицы, словно огромная лампа. Эндрю остановился возле лагуны Серкулар, неподалеку от Оперного театра. В свете фар трепыхался маленький нетопырь. Эндрю зажег сигару. Харри понял, что выходить из машины не стоит.

— Нетопырь у аборигенов — символ смерти. Знал?

Харри этого не знал.

— Представь себе населенное место, на сорок тысяч лет отрезанное от всего мира. То есть в этом месте не знали ни иудаизма, ни христианства, ни ислама, потому что между этим местом и ближайшим континентом — целое море. А картина Сотворения мира у местных жителей выглядит так. Первым человеком был Бир-рок-бурн. Его вылепил Байме, «несотворенный», который был началом всего и любил все создания свои и заботился о них. Короче, этот Байме — парень хоть куда, и друзья звали его Великий Отческий Дух. И когда Байме создал Бир-рок-бурну и его жене неплохие в общем условия для жизни, он указал на дерево ярран, где был пчелиный улей.

«Можете есть все, что захотите, на земле, подаренной вам, но это дерево — мое, — предупредил он их. — Потому не ешьте с него, иначе вам и потомкам вашим достанется на орехи». Ну, в этом роде. Как бы то ни было, однажды, когда Бир-рок-бурн ушел за хворостом, его жена подошла к дереву яр-ран. Сначала она испугалась, увидев перед собой высокое священное дерево, и хотела со всех ног бежать от него, но вокруг было так много хвороста, что она не стала спешить. Кроме того, про хворост Байме ничего не говорил. Собирая хворост, она слышала над собой тихое жужжание, подняла голову и увидела улей и мед, который стекал из улья по стволу дерева. До этого она пробовала мед всего лишь один раз, а тут его было очень много. На вязких желтых каплях играло солнце, и Бир-рок-бурнова жена в конце концов не устояла и полезла на дерево.

В то же мгновение со скоростью ветра с дерева слетело ужасное существо с огромными крыльями. И был то нетопырь Нарадарн, которого Байме посадил стеречь священное дерево. Женщина свалилась на землю и кинулась к своей землянке. Но было поздно — смерть уже пришла в мир в образе нетопыря Нарадарна и проклятье его легло на всех потомков Бир-рок-

бурна. И от такого горя заплакало древо ярран горькими слезами. Слезы сбегали вниз по стволу и застывали, и красные клейкие капли до сих пор можно увидеть на коре деревьев ярран.

Эндрю с довольным видом сбил пепел с сигары.

— Ну, чем не Адам и Ева, а?

Харри кивнул, признавая, что да, какое-то сходство есть:

— Может быть, иногда у народов в разных уголках планеты просто появляются схожие толкования или фантазии. Может, это врожденное, записано в подсознании. И мы, несмотря на всю нашу непохожесть, рано или поздно все равно приходим к одинаковым ответам.

— Будем надеяться. — Эндрю, прищурившись, вглядывался в сигарный дым. — Будем надеяться.

Биргитта пришла в десять минут десятого, когда Харри уже допивал второй стакан колы. На ней было простое белое хлопковое платье, рыжие волосы собраны в симпатичный хвостик.

— Я уж боялся, что ты не придешь, — сказал Харри. Вроде бы в шутку, но ведь он действительно этого боялся. С того самого момента, как назначил ей встречу.

— Правда? — Она игриво посмотрела на Харри. Он решил, что вечер обещает быть приятным.

Они заказали свинину под карри, цыпленка с кешью по-китайски и австралийского вина.

— Знаешь, я до сих пор удивляюсь, как тебя занесло так далеко от Швеции.

— Не стоит. В Австралии живет около девяноста тысяч шведов.

— Что?

— Большая волна была перед Первой мировой, потом молодежь потянулась в восьмидесятые, когда в Швеции стала расти безработица.

— А я думал, вы, шведы, не успеете уехать из дома, как начинаете тосковать по родной еде и праздникам.

— Все верно, только это про норвежцев. Да-да! Те норвежцы, с которыми я здесь встречалась, начинали скучать по дому чуть ли не с первых дней, а через пару месяцев возвращались в Норвегию, к своим вязаным свитерам!

— Но Ингер была не из таких?

Биргитта посерьезнела:

— Нет, Ингер была не из таких.

— Почему же она осталась здесь, в Австралии?

— Потому же, что и большинство из нас. Приезжаешь погостить и влюбляешься в страну, погоду, легкую жизнь или какого-нибудь парня. Хочется продлить вид на жительство. Скандинавки без труда находят работу в баре. А потом понимаешь, что это уже твой дом.

— С тобой было примерно то же?

— Примерно да.

Некоторое время они ели молча. Мясо было вкусное и хорошо прожаренное.

— А что ты знаешь о новом парне Ингер?

— Ну, один раз он заглянул в наш бар. Они познакомились в Квинсленде. Думаю, на острове Фрэзер. Он смахивал на тот тип хиппи, который, я думала, уже совершенно вымер, но оказалось, неплохо прижился в Австралии. Длинные волосы, цветастая просторная

одежда, сандалии. Как будто только что с пляжа в Вудстоке.

— Пляж? Но в Вудстоке нет моря, он посреди Нью-Джерси.

— Там ведь, кажется, есть озеро, где купаются? Насколько я помню.

Харри внимательно посмотрел на нее. Бир-гитта слегка ссутулилась над тарелкой. Возле переносицы сбились в стаю веснушки. Харри подумал, что она очень мила.

— Ты не можешь этого помнить. Ты еще слишком молодая.

Она рассмеялась:

— А ты что, старый?

— Я? Ну, на пару дней, может, постарше. Есть вещи, без которых в моей работе не обойтись. И где-то внутри быстро начинаешь чувствовать себя дряхлым стариком. Но будем надеяться, что я еще не потерял способность ощущать жизнь и себя в ней.

— Ах, бедняжка...

Харри натянуто улыбнулся:

— Думай что хочешь, но я это сказал не чтобы вызвать твое сострадание — хотя, конечно, было бы неплохо, — просто так оно и есть.

Харри подозвал проходившего мимо официанта и заказал еще вина.

— Всякий раз, когда копаешься в убийстве, это оставляет свой след. К сожалению, копать приходится не в тех мотивах, о которых писала Агата Кристи, а больше в чужом грязном белье и просто в дерьме. Раньше я казался себе эдаким рыцарем правосудия, но со временем все больше чувствую себя мусорщиком. Обычно убийцы — жалкие люди, и не так уж сложно найти как минимум десять причин, почему они стали такими. В итоге остается одно-единственное чувство — раздражение. Оттого, что они хотят не просто разрушить свою жизнь, но, падая, хотят прихватить еще и других. Это, конечно, звучит несколько сентиментально...

— Извини, не хотела казаться циничной. Я понимаю, о чем ты говоришь, — сказала она.

Пламя свечи между ними дрогнуло от легкого ветерка с улицы.

Биргитта заговорила о себе и своем друге: как они четыре года назад собрали в Швеции свои вещи и с рюкзаками за спиной прибыли в Австралию. Как пешком и на автобусах добирались от Сиднея до Кернза, ночуя в палатках и дешевых гостиницах для таких же бродяг, иногда подрабатывая в этих же гостиницах внештатными администраторами и поварами. Как выбрались к самому Большому Барьерному рифу, как ныряли в океан, плавали бок о бок с черепахами и молот-рыбами. Как, затаив дыхание, смотрели на древнюю скалу Айрес-рок. Как на сэкономленные деньги купили билет на поезд «Аделаида — Элис-Спрингз», как в Мельбурне побывали на концерте группы «Краудед Хаус» и, вконец измотанные, очутились в сиднейском мотеле.

— Удивительно, как хорошее порой оборачивается плохим.

— Плохим?

Биргитта вздохнула. Может, подумала, что рассказала этому навязчивому норвежцу слишком много?

— Не знаю, как объяснить. По дороге мы, наверное, что-то потеряли. То, что раньше принимали как само собой разумеющееся. Со временем мы перестали замечать, а потом забыли друг друга. Просто попутчики. Было хорошо. Ведь и номер на двоих снимать дешевле, и в палатке вдвоем ночевать спокойнее. Он нашел себе в Нузе богатенькую немку, а я поехала дальше, чтобы лишний раз не напоминать о себе. Наплевать на все. Когда он приехал в Сидней, я сказала, что встречаюсь с одним американцем, фанатом серфинга. Не

знаю, поверил ли он, может, и понял, что я просто пытаюсь поставить в наших отношениях точку. В том сиднейском мотеле мы пробовали ссориться, но и это не спасло наши отношения. Я попросила его уехать в Швецию и сказала, что приеду следом.

— Наверное, он уже заждался.

— Мы были вместе шесть лет. Верись, я даже не помню, как он выглядит.

— Верю.

Биргитта снова вздохнула.

— Не думала, что все так получится. Я была уверена, что мы поженимся, заведем детей и поселимся где-нибудь в предместье Мальме. И у нас будет дом с садиком, и каждое утро перед дверью будет лежать свежая газета. А теперь — теперь я уже почти забыла, как звучит его голос, или как хорошо нам было вместе, или как... — Она посмотрела на Харри. — Или как он из вежливости терпел мою болтовню после пары бокалов вина.

Все это время Харри улыбался. Бутылки вина ему явно не хватило, но Биргитта это никак не прокомментировала.

— Я не из вежливости, я из интереса, — сказал Харри.

— Ну, тогда расскажи что-нибудь о себе, кроме того что ты работаешь в полиции.

Биргитта наклонилась к нему, Харри заставил себя не смотреть в вырез ее платья. Но теперь он почувствовал легкий запах ее духов и жадно втянул его носом. Стоп, стоп! Держать себя в руках! Эти сволочи у Карла Лагерфельда и Кристиана Диора знают, как свести мужчину с ума.

Запах был волшебный!

— Значит, так, — начал Харри. — У меня есть старшая сестра, мать умерла несколько лет назад, сам я живу в Осло — снимаю в Тейене квартиру, едва свожу концы с концами. Долгих романов в моей жизни не было, кроме, пожалуй, одного.

— Правда? И сейчас у тебя тоже никого нет?

— Ну, не совсем. Так, пара женщин, с которыми я играю в какие-то глупые и бессмысленные игры. Иногда я звоню им, иногда они — мне.

Биргитта нахмурилась.

— Что-то не так? — спросил Харри.

— Не знаю, как я отношусь к такого рода мужчинам. И женщинам. В этом я несколько старомодна.

— Но теперь все это, естественно, в прошлом. — Харри поднял бокал.

— Не сказать, чтобы мне понравились твои блестящие ответы. — Они чокнулись.

— Что же ты прежде всего ценишь в мужчинах?

Приняв позу мыслителя, она какое-то время молча смотрела в пустоту, прежде чем ответить.

— Не знаю. Наверное, легче будет сказать, что мне в мужчинах не нравится.

— Так что же? Помимо блестящих ответов.

— Мне не нравится, когда мне устраивают проверки.

— Тебя это сильно задевает?

Биргитта улыбнулась:

— Мой тебе совет, Казанова, — если хочешь очаровать женщину, дай ей понять, что она уникальна, что к ней у тебя особое отношение, не такое, как к остальным. Парням, которые цепляют девушек в барах, этого не понять. Да и развратникам вроде тебя — тоже.

Харри рассмеялся:

— Говоря «пара», я имел в виду «две». А «пара» я сказал потому, что это звучит немного иначе, вроде как... «три». Одну недавно бросил молодой человек, ну, по ее словам. В последний раз она благодарила меня за то, что я такой... неискusstвенный, а наши отношения — такие... наверное, ни к чему не обязывающие. Другая — это женщина, с которой я давно уже поддерживаю ненавязчивые отношения, и она настаивает, что поскольку начал их я, то я же обязан обеспечивать ее каким-то минимумом личной жизни, пока один из нас не найдет себе что-то взамен. Погоди — ас чего это я оправдываюсь? Я обычный парень, мухи не обижу. Думаешь, я кого-то здесь пытаюсь очаровать?

— Конечно. Ты пытаешься очаровать меня. Пне отрицай!

Отрицать Харри не стал.

— Ладно. И как у меня получилось?

Она задумчиво взяла бокал, отпила из него и ответила:

— Нормально. Во всяком случае, сносно. А вообще, нет, отлично. Вполне.

— Звучит как «на пять с минусом».

— Вроде того.

Рядом с заливом было темно и почти безлюдно. Дул свежий ветер. На лестнице Оперного театра фотограф что-то объяснял необычайно тучным новобрачным. Тем явно не нравилось то и дело переходить с места на место, да и неудивительно при их телесах. Но наконец идеальный вариант был найден, и они закончили фотосессию с улыбками, смехом и, возможно, слезами.

Харри и Биргитта наблюдали эту картину с балюстрады.

— Вот что значит лопаться от радости, — сказал Харри. — Или по-шведски так не говорят?

— Почему нет? Бывает, человек так счастлив, что и по-шведски можно сказать: он лопается от радости. — Биргитта вынула из волос заколку и подставила лицо ветру. — Бывает, — повторила она чуть слышно.

Она стояла лицом к морю, и ветер развеивал ее огненные волосы, так что они походили на щупальца огромной медузы.

Харри раньше и не подозревал, что медузы бывают такими красивыми.

Городок Нимбин, Коре Виллок и Элис Купер

Самолет приземлился в Брисбене, когда у Харри на часах было одиннадцать, но стюардесса по громкой связи настаивала, что всего десять.

— Здесь, в Квинсленде, время не делят на зимнее и летнее, — объяснил Эндрю. — Были настоящие политические баталии, но в итоге фермеры собрались на референдум и высказались против.

— Такое чувство, что это большая деревня.

— Вроде того. Еще недавно парней с длинными волосами сюда просто не пускали. Это было запрещено.

— Шутишь?

— Квинсленд — особая статья. Скоро отсюда погонят бритоголовых.

Харри улыбнулся и провел рукой по бритому затылку.

— Что еще?

— Да, если ты привез с собой марихуану, оставь ее лучше в самолете. В Квинсленде к наркоманам относятся строже, чем в остальных штатах. Неудивительно, что фестиваль «Аквариус» проводили именно здесь — прямо на границе с Новым Южным Уэльсом.

Первой их целью было найти машину. В конторе по прокату оказалась свободной и исправной только одна.

— Зато в Квинсленде есть места вроде острова Фрэнгер, где познакомились Ингер Холтер и Эванс Уайт. По большому счету, остров этот — просто огромный пляж, но есть на нем и тропический лес, и озера с чистойшей в мире водой. А песок до того белый, что пляж кажется мраморным. Такой песок называют силиконовым — из-за повышенного содержания кремния. Из него можно сразу лепить компьютеры.

— Страна изобилия, верно? — Парень за стойкой протянул ключ.

— «Форд эскорт»? — Эндрю в задумчивости потер нос, но потом все-таки согласился, спросив только: — Неужели они еще существуют?

— Особое предложение, сэр!

— Не сомневаюсь.

Солнце добела раскалило Тихоокеанское шоссе, и построенные из стекла и бетона небоскребы Брисбена светились, как хрустальная люстра.

— Красиво, — сказал Харри. — Так правильно и чисто. Как будто этот город кто-то нарисовал.

— Ты недалек от истины. Брисбен в общем-то молодой город. Не так давно здесь было просто большое село со стотысячным населением. Если хорошенько приглядеться, у местных до сих пор ноги колесом. Сейчас город похож на подновленную кухню в крестьянском доме: блестящий, броский и деловой. А вокруг бродят задумчивые коровы.

— Ты нарисовал симпатичную картину, Эндрю.

— Не выпендривайся.

Они ехали по шоссе на восток. Вокруг простирались зеленые холмы, перемежавшиеся лесом и возделанными полями.

— Добро пожаловать в австралийскую деревню, — объявил Эндрю.

Миновали пасущихся коров, проводивших их безразличным взглядом.

Харри рассмеялся.

— Что еще? — спросил Эндрю.

— Видел карикатуру Ларсона^[13], где две коровы стоят на задних ногах, разговаривают, курят и одна кричит: «Осторожно, машина!»

Пауза.

— Кто такой Ларсон?

— Ладно, проехали.

Мимо проносились низенькие деревянные домики, непременно с верандами, сетками от комаров и пикапами перед дверью, меланхоличные рабочие лошади с широким крупом, пасеки и блаженствующие в грязи свиньи. Дорога становилась все уже. Перевалило за полдень, когда они остановились на заправку в маленьком городке. Если верить вывеске, он назывался Юки и уже два года претендовал на звание самого чистого города в Австралии.

— Ну и ну! — воскликнул Харри, когда они приехали в Нимбин.

Центр города (около ста метров) был разукрашен во все цвета радуги. Харри увидел персонажей, знакомых ему по фильмам Чича и Чонга.

— Это же семидесятые! — выдохнул он. — Смотри, там стоит Питер Фонда и обнимается с Дженис Джоплин.

Они медленно поехали по улице, провожаемые застывшими взглядами изображений.

— Фантастика! Не думал, что такие места еще существуют. Умереть со смеху!

— Почему? — спросил Эндрю.

— Тебе это не кажется забавным?

— Может быть, — пожал плечами Эндрю. — Сегодня, конечно, легко смеяться над этими чудаками. Я знаю, что ребята, которые верили во *flower-power generation*¹, были дуралеями, они только и делали, что брнчали на гитарах, читали стихи собственного сочинения и трахали друг друга. Что организаторы фестиваля в Вудстоке разгуливали, нацепив галстуки, и давали смехотворные интервью, над наивностью которых потешаются до сих пор. Но еще я знаю, что без их идей наша жизнь была бы совершенно другой. Может, сегодня такие лозунги, как «Мир» и «Любовь», кажутся затертыми, но мы, те, кто вырос в то время, в них верили. Всей душой.

— А не староват ты был для хиппи, Эндрю?

— Да. Староват. Я был опытным и коварным хиппи, — улыбнулся он. — Но скольким девочкам дядя Эндрю открыл двери в волшебный мир любви!

Харри похлопал товарища по плечу:

— Старый развратник, мне-то казалось, ты только что толковал про идеализм.

— Это и был идеализм! — возмущился Эндрю. — Не мог же я доверить эти нежные бутоны какому-то неуклюжему прыщавому подростку, чтобы девушка до конца семидесятых страдала от душевной травмы.

— Так вот в чем важнейший вклад семидесятых в развитие общества?

Эндрю покачал головой:

— Дух, приятель. Это наш дух. Дух свободы. Веры в человека. В возможность построить что-то новое. Пусть Билл Клинтон заявляет, что в то время не курил марихуану, — он вдыхал тот же воздух, тот же дух, что и все мы. А это как-то влияет на то, кем ты станешь. Черт возьми! Нужно было вообще не дышать, чтобы не вдохнуть частичку того, что витало в

воздухе! Так что смейся, Харри Хоули. Через двадцать лет, когда забудутся клёши и глупые стихи, мысли того поколения предстанут совсем в другом свете, попомни мои слова!

Но Харри все равно рассмеялся:

— Не обижайся, Эндрю, но я принадлежу к уже другому, следующему поколению. И как вы смеялись над узкими рубашками и бриллиантовыми проборами пятидесятых, так и мы смеемся над вашими «махатмами» с цветами в волосах. Думаешь, современные подростки не смеются над такими, как я? Так было всегда. Но здесь, кажется, семидесятые затянулись?

Эндрю махнул рукой:

— Думаю, у нас в Австралии просто очень хорошие почва и климат. Движение хиппи никогда не исчезало — оно изменилось, вступив в Новую эру. В любой книжной лавке хотя бы одна полка отводится для книг об альтернативном образе жизни, целительстве, контакте с внутренним «я» и о том, как избавиться от вещизма и жить в гармонии с самим собой и окружающим миром. Но разумеется, не все курят травку.

— Нет, Эндрю, это не Новая эра. Это старые, добрые, обкуренные хиппи, ни больше ни меньше.

Эндрю выглянул в окно и усмехнулся. На скамейке у края дороги сидел человек с длинной седой бородой и в куртке и на пальцах показывал им букву «V» — знак победы. Рядом была вывеска с изображением старого желтого вагончика хиппи и надписью «Музей марихуаны». И ниже — маленькими буквами: «Вход один доллар. Если нет таких денег, все равно заходи».

— Местный музей наркоты, — объяснил Эндрю. — В основном барахло, но есть пара интересных фотографий из мексиканской поездки Кена Кизи, Джека Керуака и других бравых ребят, которые экспериментировали с галлюциногенными наркотиками.

— ЛСД тогда считали безопасным?

— И секс тогда был безопасным. Славное было времечко, Харри Хоули. Тебе бы понравилось.

Остановившись в начале главной улицы, они вышли из машины и повернули обратно. Харри снял полицейские очки «рэй-бен» и старался ничем не походить на стража порядка. Денек в Нимбине, очевидно, выдался тихий, и Харри с Эндрю шли сквозь строй торговцев, кричащих: «Хорошая травка!», «Эй, ребята, лучшая травка в Австралии!», «Травка из Папуа — Новой Гвинеи, уносит только так!».

— Папуа — Новой Гвинеи! — фыркнул Эндрю. — Даже здесь, в столице марихуаны, некоторые воображают, будто за границей травка лучше. Хочешь совет? Покупай австралийскую!

Сидящая на табурете перед «музеем» беременная, но все равно тощая женщина помахала им рукой. Ей могло быть от двадцати до сорока. Одежда просторная и цветастая, причем рубашка застегнута только на верхние пуговицы, так что виден круглый, с туго натянутой кожей живот. Харри показалось, что он ее уже где-то видел. Зрачки сильно расширены, поэтому сомневаться не приходится: на завтрак было что-то покрепче марихуаны.

— *Looking for something else?*^[14] — спросила она, видя, что парни вовсе не собираются покупать марихуану.

— Н-нет... — начал Харри.

— *Acid*. Кислота. Хотите ЛСД? — Она наклонилась вперед и говорила быстро и

настоячиво.

— Нет, ЛСД мы не хотим, — тихо и уверенно ответил Эндрю. — Мы здесь за другим. Ясно?

Она продолжала сидеть, уставившись на них. Эндрю уже собрался идти дальше и потянул за собою Харри, но женщина вдруг вскочила с табуретки (необычайно резво для беременной) и ухватила Эндрю за рукав.

— Хорошо. Но не здесь. Встретимся в пабе через дорогу. Я подойду минут через десять. Эндрю кивнул, и женщина с круглым животом быстро зашагала вниз по улице в сопровождении маленького щенка.

— Знаю, о чем ты думаешь, Харри. — Эндрю зажег сигару. — О том, что нехорошо обманывать сердобольную мадам: мол, нам нужен героин. И что в ста метрах отсюда — полицейский участок, где мы можем все разузнать об Эвансе Уайте. Но у меня есть чувство, что так пойдет быстрее. Пойдем глотнем пива и посмотрим, что из этого всего выйдет.

Через полчаса в почти пустой бар зашла та самая сердобольная мадам в сопровождении парня, на вид такого же запуганного, как и она сама. Парень смахивал на графа Дракулу в исполнении Клауса Кински: весь в черном, бледный и тощий, с синими кругами вокруг глаз.

— Вот это забота о покупателях, — прошептал Эндрю. — Самолично проверять качество товара.

Сердобольная мадам и «Дракула» торопливо приблизились к столику. «Вампиру» явно не хотелось проводить много времени при свете дня, поэтому он сразу перешел к делу:

— Сколько заплатите?

Эндрю демонстративно продолжал сидеть к нему спиной.

— Мне лишних ушей тут не надо, — бросил он, не оборачиваясь.

«Дракула» зыркнул на сердобольную мадам, и та, сделав недовольное лицо, удалилась. Очевидно, она получала с каждой сделки какую-то долю, и, как большинство наркоторговцев, они с «Дракулой» не особо друг другу доверяли.

— У меня с собой ничего нет, а если вы копы, я вам яйца отрежу. Покажите сначала бабки, и я вас кое-куда отведу. — Он говорил быстро и нервно, а глаза у него беспрестанно бегали.

— Далеко? — осведомился Эндрю.

— *It's a short walk, but a lo-ong trip*^[15]. — Он коротко осклабился.

— Ладно, хватит. Заткнись и сядь, — приказал Эндрю и показал ему полицейский значок.

«Дракула» ошарашенно посмотрел на него. Харри встал и сунул руку за спину, будто собираясь достать из кобуры пистолет. Но «Дракуле» не захотелось проверять, есть ли у него оружие. Он послушно плюхнулся на стул перед Эндрю.

— Что за беспредел? Я ж говорю, у меня ничего с собой нет!

— Полагаю, ты знаком с местным шерифом и его помощником? Они, думаю, тоже с тобой знакомы. А вот знают ли они о том, что ты занялся «большой дурью»?

«Вампир» пожал плечами:

— А кто тут говорил о «большой дури»? Я думал, вы за травкой...

— Ну еще бы. О «герике» никто и не заикался. И не заикнется, если ты потрудишься кое-что нам рассказать.

— Да вы рехнулись? Стану я башкой рисковать и стучать только потому, что два

нездешних копа, у которых ничего на меня нет, вламываются и...

— Доносить? Мы встретились, не смогли договориться о цене на товар, и все. К тому же у тебя есть свидетель — она подтвердит, за каким делом мы явились. Если будешь паинькой, больше нас не увидишь. Мы вообще здесь больше не появимся.

Эндрю закурил, щурясь, посмотрел на бедного «вампира» и выпустил дым ему в лицо.

— А вот если не будешь паинькой, мы выйдем отсюда с полицейскими значками на груди. Потом тут кого-нибудь арестуют, и сомневаюсь, что после этого к тебе станут лучше относиться. Не знаю, как часто здесь, как ты выразился, отрезают яйца стукачам, *potheads*^[16] — обычно ребята мирные. Но они ведь кое-что про тебя знают, и я не удивлюсь, если в один прекрасный вечер к тебе завалится шериф с обыском — так, ни с того ни с сего — и перевернет все вверх дном. *Potheads* не любят конкурентов, торгующих тяжелыми наркотиками. К тому же стукачей. А что тебе светит, если у тебя найдут столько героина, думаю, ты знаешь.

Он снова пустил дым в лицо «Дракуле». Не каждый день выпадает такое удовольствие, подумал Харри.

— Итак, — сказал Эндрю, так и не дождавшись ответа. — Эванс Уайт. Где он? Кто он? И как его найти? Ну!

«Дракула» затравленно огляделся. Большая голова с впалыми щеками и тонкая шея делали его похожим на грифа, который присел полакомиться падалью, но боится, как бы не вернулись львы.

— Это все? — спросил он. — Или еще что-нибудь?

— Больше ничего, — бросил Эндрю.

— А откуда мне знать: вдруг вы вернетесь и потребуете чего-нибудь еще?

— Ниоткуда.

«Дракула» кивнул, будто именно такого ответа и ждал:

— Хорошо. Он пока не бог вещь какая шишка, но, слышал, идет в гору. Работал на мадам Россо, здешнюю королеву марихуаны, а сейчас вот открыл свое дело. Травка, ЛСД... морфий, наверное. Травка у него та же, что и у нас всех, местная. Но у него в Сиднее какие-то свои связи. Он возит травку туда, а оттуда привозит дешевую и хорошую кислоту. ЛСД сейчас особо ценится.

— А разве не экстази и героин?

— С чего бы? — скривился наркоторговец.

— Ну, так обстоят дела там, откуда я приехал: считается, что половина английских подростков старше шестнадцати после волны «хауса»^[17] пробовали экстази. А после фильма «На игле» героин стал наркотиком номер...

— Что? «Хаус»? «На игле»? — «Вампир» непонимающе уставился на него.

Харри замечал, что о последних событиях в мире наркоманы не имеют ни малейшего представления.

— Как можно найти Эванса? — потребовал Эндрю.

— Он часто бывает в Сиднее, но на днях я видел его здесь. У него есть сын. От телки из Брисбена, которая раньше тут ошивалась. Не знаю, где она сейчас, но сын живет у папаши, тут, в Нимбине.

И он вкратце рассказал, как найти дом Эванса.

— Какой из себя этот Уайт? — продолжал Эндрю.

— Да как бы объяснить... — «Вампир» почесал гладкий подбородок. — Смазливый

придурок. Кажется, теперь это так называют.

Ни Эндрю, ни Харри понятия не имели, как это теперь называют, но оба понимающе кивнули.

— Общаться с ним легко, но не завидую его девушке, если вы понимаете, о чем я.

Оба непонимающе помотали головой.

— Он ведь бабник и одной телкой не довольствуется. Бабы его вечно скандалят — кричат и орут. И никто не удивляется, когда какая-нибудь из них ходит с фингалом.

— Хм. Ты не знаком с одной норвежкой, блондинкой по имени Ингер Холтер? На прошлой неделе ее труп нашли в заливе Уотсонс в Сиднее.

— Да? Ни разу о ней не слышал. — Газет он, видно, тоже не читал.

Эндрю затушил сигару. Они с Харри встали.

— Я точно могу рассчитывать на ваше молчание? — недоверчиво спросил «Дракула».

— Конечно, — ответил Эндрю и направился к выходу.

Полицейский участок тоже располагался на главной улице, метрах в ста от музея, и походил на обычный жилой дом. Однако вывеска, пусть и убогая, ясно указывала, что это именно полицейский участок. Внутри, в просторной комнате, за огромными столами сидели шериф и его помощник. Кроме того, в помещении обнаружился диван, кофейный столик, телевизор, премилая коллекция комнатных растений в горшочках и в уголке — книжная полка, на которой стояла кондовая кофеварка. В довершение всего занавески в мелкую клеточку делали полицейский участок как две капли воды похожим на норвежский дачный домик.

— *Good day*^[18], — поприветствовал коллег Эндрю.

Харри вспомнил, как в восьмидесятых то же самое сказал американским телезрителям тогдашний премьер-министр Норвегии Коре Виллок.

На следующий день норвежские газеты обрушились на премьера, заявляя, что тот позорит страну своим скверным английским.

— *Good day*, — ответили шериф и его помощник, которые норвежских газет, очевидно, не читали.

— Меня зовут Кенсингтон, а это — Хоули. Полагаю, вам звонили из Сиднея? Объяснили, кто мы и зачем приехали?

— И да и нет, — ответил тот, кто, по-видимому, был шерифом, — бодрый, загорелый мужчина лет сорока, с голубыми глазами и крепким рукопожатием. Харри он напомнил папашу из «Скиппи» или какого-нибудь другого сериала, такого надежного, принципиального и славного австралийского героя. — Мы так до конца и не поняли. Вы, кажется, хотите найти одного типа, но не желаете, чтобы мы его арестовали и отправили к вам? — Шериф встал и подтянул брюки. — Бойтесь, мы сядем в галошу? Думаете, здешняя полиция работать не умеет?

— Ничего подобного, шеф. Просто мы знаем, с этой марихуаной у вас своих забот по горло. Вот и решили сами заняться этим делом. Чтоб вас лишний раз не беспокоить. У нас есть адресок, и мы только хотим задать парню пару вопросов.

— Что Сидней, что Канберра — без разницы, — проворчал шериф. — Отдаете приказы, шлете своих людей, нас даже в известность не ставите. А на кого потом все шишки валяются?

— Вот-вот, — поддакнул со своего места помощник.

Эндрю кивнул:

— И не говори. У всех такая же беда. Куда ни посмотри, нигде начальство носа на улицу не кажет. Вот и нами, оперативниками, заправляют какие-то канцелярские крысы с посредственными дипломами юристов и заветной мечтой о повышении по службе.

Харри поспешно кивнул и печально вздохнул в подтверждение его слов.

Шериф недоверчиво посмотрел на них, но лицо у Эндрю было непроницаемо честным, и в конце концов провинциальный блюститель закона радушно предложил гостям по чашечке кофе.

— Из этого агрегата? — Харри кивнул на огромную кофеварку.

Шериф окончательно уверовал в порядочность своих гостей.

— Готовит литр кофе в минуту, — гордо сказал он и добавил краткий технический комментарий.

После пары чашек они пришли к выводу, что «Медведи», команда Северного Сиднея по регби, — жуткие снобы, а Юхан Косс, дружок пловчихи Саманты Райли, — отличный парень.

— А вы видели в городе лозунги демонстрантов? — спросил помощник шерифа. — Людей призывают пойти завтра на посадочную площадку и разломать наш вертолет. Мы, мол, не имеем права фотографировать частную собственность. А вчера пятеро приковали себя к нему, так что вылететь удалось только к вечеру.

Шериф и его помощник усмехнулись. Значит, они еще не сломлены.

После очередной чашечки кофе Эндрю и Харри встали, сказали, что пора бы побеседовать с этим Эвансом Уайтом, и, пожав блюстителям руки, поблагодарили за кофе.

— Кстати, — обернулся Эндрю в дверях: — Я тут выяснил, что кое-кто у вас в Нимбине промышляет героином. Такой тощий парень с черными волосами. Похож на вампира на диете.

Шериф вскинул брови:

— Героином?

— Это, наверное, Мондейл, — предположил его помощник.

— Мондейл, чертов выродок! — выругался шериф.

Эндрю взял под козырек, хотя козырька, конечно, никакого не было.

— Просто подумал, что вам будет интересно узнать.

— Ну, как поужинал со свидетельницей из Швеции? — спросил Эндрю по дороге к дому Уайта.

— Неплохо. Специй было многовато, а так — ничего, — небрежно ответил Харри.

— Дубль два, Харри. О чем вы разговаривали?

— О разном. О Норвегии и Швеции.

— Ну-ну. И кто победил?

— Она.

— А что есть в Швеции, чего нет у вас в Норвегии? — поинтересовался Эндрю.

— Ну, для начала, у них есть пара хороших кинорежиссеров. Бу Видерберг, Ингмар Бергман.

— А, кинорежиссеров, — хмыкнул Эндрю. — Их везде полно. А вот Эдвард Григ — только у вас.

— Ого, я и не знал, что ты интересуешься классической музыкой. Кроме всего прочего.

— Григ был гением. Возьми, к примеру, вторую часть его симфонии до-бемоль, там...

— Извини, Эндрю, — прервал его Харри. — Я в детстве слушал панк-рок и из симфоний лучше всего помню «Иес» и «Кинг Кримсон». Я не слушаю древнюю музыку, понимаешь? Все, что исполняли до тысяча девятьсот восьмидесятого, — каменный век. У нас в Норвегии есть группа «Думдум Бойз», так вот они...

— Симфония до-бемоль исполнялась в восемьдесят первом, — сказал Эндрю. — «Думдум Бойз»? Название с претензией.

Харри сдался.

Эванс Уайт смотрел на них из-под приспущенных век. Спутанные волосы падали ему на лицо. Он почесал промежность и демонстративно отрыгнул. Казалось, гостям он не удивился. Не потому, что ждал их, а потому, что не считал удивительным, что его разыскивают. Как-никак он продавал лучшую кислоту в округе, а в таком маленьком городке, как Нимбин, слухи расходятся быстро. Харри понимал, что тип вроде Уайта не станет торговать по мелочи, тем более с порога собственного дома, но это людей не останавливало, и они время от времени здесь появлялись в надежде что-нибудь купить.

— Не по адресу. Поищите в центре, — обронил Уайт и захлопнул дверь с сеткой от комаров.

— Мы из полиции, мистер Уайт. — Эндрю достал значок. — Нам нужно с вами поговорить.

Эванс повернулся к ним спиной.

— Не сегодня. Не люблю копов. Приходите с ордером на арест, обыск или еще на что, тогда и поговорим. Но только тогда. Спокойной ночи.

Захлопнулась и внутренняя дверь.

Харри прислонился к дверному косяку и крикнул:

— Эванс Уайт! Вы меня слышите? Мы думаем, на этой фотографии вы, сэр? Кстати, вы не знакомы с блондинкой, которая сидит рядом с вами? Ее звали Ингер Холтер, она недавно умерла!

Пауза. Потом звякнул дверной замок. Эванс снова выглянул из-за внутренней двери.

Харри поднес фотографию к сетке от комаров.

— Когда полиция ее нашла, она выглядела очень плохо, мистер Уайт.

Вместо скатерти на кухонном столе были расстелены газеты, на тарелках и стаканах красовалась несмытая пена, а влажную уборку тут, похоже, не делали несколько месяцев. Вместе с тем здесь и не царил хаос: Харри отметил про себя, что дом не похож на логово вконец опустившегося наркомана. Здесь не валялись объедки и огрызки недельной давности, не воняло мочой, занавески висели как положено. Напротив, в доме чувствовался какой-то порядок и присутствие хозяина.

Когда гости расселись на кухонных стульях, Эванс достал из холодильника бутылку пива и сделал большой глоток. Затем громко, на всю кухню, срыгнул и довольно хохотнул.

— Расскажите о своих отношениях с Ингер Холтер, мистер Уайт, — сказал Харри, стараясь отмахнуться от запаха отрыжки.

— Ингер была доброй, красивой и глуповатой девчонкой, которая вообразила, будто мы с ней можем быть счастливы. — Эванс поднял глаза к потолку и опять с довольным видом усмехнулся: — По-моему, это очень точное описание.

— Есть ли у вас какие-нибудь предположения о том, как она могла быть убита и кто мог

это сделать?

— Да, сюда, в Нимбин, тоже доходят газеты. Пишут, что ее задушили. А кто? Я думаю, душитель. — Он запрокинул голову и ухмыльнулся. Кудрявая прядь упала на загорелый лоб, белые зубы блестели, а от уголков глаз к ушам с пиратскими кольцами потянулись веселые морщинки.

Эндрю откашлялся:

— Мистер Уайт, только что убита женщина, которую вы хорошо знали и с которой состояли в близких отношениях. Нас не волнует, что вы в связи с этим чувствуете и чего не чувствуете. Но, как вы, должно быть, понимаете, сейчас мы ищем убийцу, и, если вы не постараетесь нам помочь здесь и сейчас, придется препроводить вас в полицейский участок в Сиднее.

— Я и так собирался в Сидней, и, если ваше предложение означает бесплатный билет на самолет, я согласен. — Уайт бросил презрительный взгляд.

Харри не знал, что и думать. Либо Эванс Уайт действительно такой крутой, каким хочет казаться, либо просто страдает так называемыми «отдельно развитыми душевными качествами» — типично норвежское понятие, подумал Харри: больше нигде в мире от закона не требуют определять качество души.

— Конечно, мистер Уайт, — ответил Эндрю. — Бесплатный проезд, бесплатная еда и проживание, бесплатный адвокат и бесплатная известность как подозреваемого.

— *Big deal*^[19]. Буду готов в течение сорока восьми часов.

— В таком случае в придачу вы получите бесплатную тень — круглосуточно, бесплатную проверку, дома ли вы по ночам, и, возможно, даже пару неурочных обысков. Как знать, что нам при этом удастся выяснить?

Эванс допил пиво и теперь старательно отковыривал от бутылки этикетку.

— Господа, что вам нужно? — спросил он угрюмо. — Я знаю только, что однажды она пропала. Я собирался в Сидней и решил ей позвонить, но ни на работе, ни дома ее не оказалось. Потом я приезжаю и в тот же день узнаю из газет, что ее нашли убитой. Два дня я хожу как зомби. Кстати, по поводу «убитой» — сколько людей умирает вот так, задушенными?

— Не очень много. Итак, у вас есть алиби на момент убийства? Это хорошо... — Эндрю достал ручку и блокнот.

— Алиби? — пискнул Эванс. — Что вы имеете в виду? Я что, подозреваемый? Или вы хотите сказать, что за неделю не напали на след?

— Мы ведем поиски во всех направлениях, мистер Уайт. Вы можете вспомнить, где были за два дня до своей поездки в Сидней?

— Здесь, дома. Где ж еще?

— Один?

— Не совсем, — ухмыльнулся Эванс, поднимая пустую бутылку. Описав в воздухе изящную параболу, бутылка бесшумно исчезла в мусорной корзине за кухонной скамейкой. Харри одобритительно кивнул.

— Позвольте узнать, кто был с вами?

— Да, естественно. Мне скрывать нечего. Женщина по имени Анджелина Хатчинсон. Она живет здесь, в Нимбине.

Харри сделал запись в своем блокноте.

— Ваша любовница? — уточнил Эндрю.

— Что-то вроде, — ответил Эванс.

— Что вы можете рассказать об Ингер Холтер? Кем она была и чем занималась?

Эванс вздохнул:

— Мы не так давно были знакомы. Встретились в Сиднее, в баре «Олбери», где она работала. Поболтали, она сказала, что собирается провести отпуск на Байрон-Бэй. Это в нескольких милях отсюда, и я дал ей свой телефон в Нимбине. Через несколько дней она позвонила и попросилась ко мне — пару раз переночевать. У меня она прожила больше недели. Потом мы встречались в Сиднее, когда я туда приезжал. Каких-то два-три раза. Сами понимаете, роман наш длился не особо долго. К тому же она стала набирать слишком большие обороты.

— Слишком?

— Да, проявлять заботу о моем сынишке, ТомТоме, и строить планы о доме и семье. Мне это не нравилось, но я ей позволял.

— Позволяли — что?

Эванс заерзал.

— Она была из тех женщин, которые наглеют при первой встрече, но плавятся как воск, стоит лишь почесать за ушком и шепнуть, что она тебе приглянулась. Тогда ради тебя она готова на все.

— Значит, она была заботливой? — уточнил Харри.

По всей видимости, Эвансу не понравилось направление, которое приняла беседа.

— Может, и была. Я же говорю, что плохо ее знал. Она давно не виделась со своими родными в Норвегии, так что, возможно, ей просто не хватало... их, ну, тех людей, понятно? Черт, я не знаю! В ней было, как я уже сказал, много глупости и романтики, но ничего плохого...

Его голос сорвался. В кухне стало тихо. «Либо он хороший актер, либо в нем тоже есть что-то человеческое», — подумал Харри.

— Но если у ваших отношений не было будущего, почему вы не предложили ей расстаться?

— Уже собирался. Хотел вот так прямо уйти и сказать ей: «Прощай!» Но не успел — она умерла раньше. *Just like that*^[20]... — Он щелкнул пальцами.

Голос его стал прежним, отметил Харри.

Эванс посмотрел на свои руки:

— Вот так я и держусь.

Мамаша, огромный паук и Буббур

Они свернули на горный серпантин и, ориентируясь по указателям, отыскали дорогу к «Хрустальному храму».

— Вопрос в том, говорит ли Эванс Уайт правду, — заметил Харри.

Эндрю свернул, уступая дорогу трактору.

— Харри, позволь поделиться с тобой опытом. Более двадцати лет я разговариваю с людьми, у которых самые разные мотивы, чтобы лгать мне или говорить правду. С виновными и невиновными, убийцами и карманниками, с невротиками и флегматиками, с голубоглазыми младенцами и очерстевшими мерзавцами, с социопатами, психопатами, филантропами...

Эндрю попытался найти еще несколько примеров.

— *Point taken, Andrew!*^[21]

— ...черными и белыми. Все они сидели и рассказывали мне свои истории с единственной целью — чтобы им поверили. И знаешь, к какому выводу я пришел?

— Что невозможно определить, когда врут, а когда — нет.

— В точку, Харри! — воскликнул Эндрю. — В классических детективах любой уважающий себя сыщик с точностью определяет, когда человек лжет. Чушь! Человеческая природа — лес дремучий, который никогда не узнаешь до конца. Даже мать не знает сокровенных тайн своего ребенка.

Машина остановилась перед буйным зеленым садом с фонтаном, цветочными клумбами и экзотическими деревьями, между которыми петляла узкая гравиевая дорожка. За садом возвышалось большое здание — судя по всему, это и был «Хрустальный храм», который они с шерифом Нимбина так долго искали на карте.

0 прибытии гостей возвестил колокольчик над дверью. В магазине было много народу — по всей видимости, это место пользовалось популярностью. К полицейским подошла худощавая, обаятельно улыбавшаяся женщина и с таким энтузиазмом их приветствовала, будто ей несколько месяцев не с кем было словом перекинуться.

— Вы у нас впервые? — спросила она. Как будто ее хрустальная лавка стала для посетителей местом регулярных паломничеств. Хотя как знать, может, так оно и было.

— О, как я вам завидую! — сказала она, услышав ответ. — Вам еще только предстоит познакомиться с «Хрустальным храмом»!

Стоящая рядом женщина застонала от восторга.

— Проходите сюда. Направо — наше великолепное вегетарианское кафе, в котором вам подадут самые удивительные блюда. После просим в хрустально-каменный чертог. *That's where the real action is! Now go, go!*^[22]

И она на прощание помахала им рукой. После такого предисловия велико же было их разочарование, когда выяснилось, что кафе, в сущности, самое обычное: там подавали кофе, чай, бутерброды и салаты с йогуртом. В так называемом хрустально-каменном чертоге в замысловатом освещении красовались сверкающие куски хрусталя, фигурки Будды в позе лотоса, зеленые и синие кварцы и просто булыжники. Комнату наполняли тонкий аромат благовоний, переливы свирели и журчание воды. Бутик показался Харри весьма милым, но несколько простоватым, и дух от него никоим образом не захватывало. Разве что от цен.

— Хе-хе, — усмехнулся Эндрю, изучив пару ценников. — Гениальная женщина.

Он кивнул в сторону посетителей: по большей части люди средних лет с несредними доходами.

— Дети цветов выросли. И доходы их выросли вместе с ними. Но душой они все еще где-то в астрале.

Они вернулись в первую комнату. Встречавшая их женщина по-прежнему обаятельно улыбалась. Она взяла Харри за руку и прижала к его ладони сине-зеленый камень:

— Вы Козерог, верно? Положите этот камень под подушку — он очистит вашу комнату от любых видов негативной энергии. Вообще-то он стоит шестьдесят долларов, но, понимая, насколько он вам необходим, я отдам его за пятьдесят.

Она повернулась к Эндрю:

— А вы, наверное, Лев?

— Э, нет, мэм, я полицейский. — Он быстро показал ей значок.

Женщина побледнела и испуганно посмотрела на него:

— Какой кошмар! Надеюсь, я не сделала ничего дурного?

— На моей памяти — нет, мэм. Полагаю, вы — Маргарет Доусон, ранее Уайт? Если да, могли бы мы переговорить с вами в отдельной комнате?

Маргарет Доусон быстро собралась с мыслями и, приказав одной из своих служащих подменить ее за кассой, отвела Харри и Эндрю в сад, где они уселись за белый деревянный столик. Между деревьями Харри увидел сетку, которую поначалу принял за невод, но при ближайшем рассмотрении она оказалась огромной паутиной.

— Кажется, будет дождь, — сказала миссис Доусон, потирая руки.

Эндрю кашлянул.

Она прикусила нижнюю губу:

— Извините, констебль. Я так волнуюсь.

— Все в порядке, мэм. Ну и сеточка у вас.

— Ах, эта! Это сетка Билли, нашего паука-птицееда. Лежит сейчас, наверное, где-нибудь и спит.

Харри поежился и поджал ноги:

— Птицеед? Вы хотите сказать, что он ест... птиц?

Эндрю улыбнулся.

— Харри — из Норвегии. Там такие большие пауки — диковинка.

— Ну я могу вас утешить: большие не опасны, — сказала Маргарет Доусон. — А вот малюсенький проказник, которого мы называем «*redback*»^[23], ядовит. Но он предпочитает города, где можно, так сказать, затеряться в толпе. В темных подвалах и сырых углах.

— Кажется, я таких знаю, — заметил Эндрю. — Но вернемся к делу, мэм. Это касается вашего сына.

Вот когда миссис Доусон действительно побледнела:

— Эванса?

Эндрю посмотрел на коллегу.

— Насколько мы знаем, миссис Доусон, раньше у него проблем с полицией не было, — сказал Харри.

— Нет. Нет, конечно, не было. Слава Богу.

— Собственно говоря, к вам мы заехали, потому что ваше заведение как раз по пути в Брисбен. Мы подумали, вдруг вам известно что-нибудь об Ингер Холтер.

Она повторила про себя имя, будто пробуя его на вкус. Потом покачала головой:

— У Эванса было не так много девушек. А тех, что были, он привозил сюда, чтобы познакомиться со мной. После того как родился сын — у него с... той проклятой девчонкой, имя которой я, кажется, забыла, — я запретила... я сказала, по-моему, он должен подождать. Пока не найдет подходящую.

— Почему он должен подождать? — спросил Харри.

— Потому что я так сказала.

— А почему вы так сказали, мэм?

— Потому что... потому что так будет лучше. — Она посмотрела в сторону магазина, давая понять, что ей дорого время. — И потому что Эванс — очень ранимый мальчик. В его жизни было много негативной энергии, и ему нужна женщина, на которую он сможет целиком и полностью положиться. А не эти потаскухи... которым лишь бы вскружить моему мальчику голову.

Ее глаза затуманились.

— Вы часто видите с сыном? — спросил Эндрю.

— Эванс приезжает сюда, как только у него выдается время. Ему здесь спокойно. Бедненький, он так много работает. Вы пробовали травы, которые он продает? Иногда он привозит их мне — я завариваю их с чаем и кофе.

Эндрю снова кашлянул. Уголком глаза Харри заметил какое-то шевеление между деревьями.

— Нам уже пора уходить, мэм. Последний вопрос.

— Да?

Похоже, Эндрю что-то попало в горло — он все кашлял и кашлял. Паутина начала раскачиваться.

— Миссис Доусон, у вас всегда были такие светлые волосы?

В Сидней они вернулись уже поздно вечером. Харри чувствовал себя настолько измотанным, что мечтал лишь о том, чтобы поскорей вернуться в свой номер и завалиться спать.

— Пропустим по стаканчику? — предложил Эндрю.

— Нет, спасибо, — отказался Харри.

— В «Олбери»?

— Ну, это уже почти работа.

— Именно.

Когда они вошли, Биргитта улыбнулась. После очередного посетителя она направилась к ним. Ее глаза были прикованы к Харри.

— Привет, — сказала она.

Харри понял, что сейчас хочет просто упасть в ее объятия и уснуть.

— Именем закона, два двойных джина с тоником, — потребовал Эндрю.

— Я бы лучше выпил грейпфрутового сока, — сказал Харри.

Она принесла заказ и склонилась над стойкой.

— *Tack så mycket för i går*^[24], — прошептала она Харри.

Харри узрел у нее за спиной свое отражение с идиотской улыбкой.

— Эй, там! Хватит вашей скандинавской воркотни! Пока за выпивку плачу я, будьте

добры говорить по-английски, — строго посмотрел на них Эндрю. — А сейчас, молодые люди, я вам кое-что расскажу. Любовь — большая тайна, чем смерть. — Театральная пауза. — Дядя Эндрю расскажет вам древнюю австралийскую легенду, а именно историю об огромном змее Буббуре и Валле.

Они пододвинулись ближе, и Эндрю с довольным видом причмокнул, зажигая сигару.

— Жил-был на свете молодой воин по имени Валла, который очень сильно любил девушку по имени Муура. А она — его. Валла прошел племенной обряд посвящения и теперь был мужчиной, а значит, мог выбрать себе в жены любую женщину племени при условии, что она не замужем и тоже его любит. А Муура его любила. Валла очень не хотел расставаться с любимой, но по традиции он должен был отправиться на охоту, чтобы принести добычу в дар родителям невесты. Только так свадьба могла состояться. В одно прекрасное утро, когда на листьях еще лежала роса, отправился Валла в путь, воткнув в волосы белые перья какаду, которые дала ему Муура.

Пока Валлы не было, Муура отправилась собирать мед для праздника. А между тем его было не так-то легко найти, и ей пришлось уйти от стоянки дальше обычного. И пришла она в долину валунов. Над долиной распростерлась удивительная тишина: не было слышно ни птиц, ни насекомых. Она уже хотела идти дальше, как вдруг увидела гнездо, а в нем — крупные яйца. «Надо взять их с собой к празднику», — подумала она и протянула к ним руку.

В то же мгновение она услышала, как по камням кто-то ползет, и не успела Муура ни шагу ступить, ни рта раскрыть, как огромная коричнево-желтая змея обвила ей живот. Муура пыталась освободиться, но у нее никак не получалось, змея начала душить ее. Девушка посмотрела в небо и попробовала выкрикнуть имя Валлы, но у нее не хватило воздуха. А змея все душила и душила ее и в конце концов выжала всю жизнь из Мууры и переломала ей все кости. Потом змея уползла туда, откуда и приползла, — в тень, где ее невозможно было разглядеть, потому что все цвета сливались в один в игре солнечных лучей меж деревьями и камнями долины.

Лишь два дня спустя изломанное тело Мууры нашли в долине валунов. Родители девушки были безутешны. Мать плакала и спрашивала мужа, что они скажут Валле, когда тот вернется домой.

Эндрю блестящими глазами посмотрел на Харри и Биргитту.

— Костер уже догорал, когда на рассвете следующего дня с охоты вернулся Валла. Хотя поход был тяжелый, шаги воина были легки, а глаза блестели от радости. Он подошел к родителям Мууры, в молчании сидевшим у костра.

«Вот мои дары», — сказал он. И добыча его была богатой: кенгуру, вомбат и ляжки эму.

«Ты как раз успел к похоронам, Валла, который должен был стать нам сыном», — сказал отец Мууры. Казалось, Валлу кто-то больно ударил, и ему плохо удавалось скрывать свою боль и скорбь. Но, закаленный воин, он сдержал слезы и спросил холодно:

«Почему вы не похоронили ее раньше?»

«Потому что нашли ее только сегодня», — ответил отец.

«Тогда я последую за ней и потребую ее душу обратно. Наш вириун сложит ее сломанные кости, а я снова вдохну в нее душу жизни».

«Поздно, — ответил отец. — Ее душа уже отошла туда, куда попадают души всех умерших женщин. Но жив еще ее убийца. Ты выполнишь свой долг, сын?»

Валла ушел от них, не сказав ни слова. Он жил в одной землянке с другими неженатыми мужчинами племени. Но даже с ними он не заговорил. Несколько месяцев Валла не

участвовал в песнях и плясках, а сидел один. Одни думали, он пытается укрепить свое сердце и забыть Мууру. Другие говорили, что он хочет отправиться за Муурой в женское царство мертвых.

«У него не выйдет, — говорили они. — Женщины попадают в одно царство, а мужчины — в другое».

Однажды к костру подседа женщина, которая сказала:

«Вы ошибаетесь. Просто он погружен в мысли о том, как отомстить за свою невесту. Может, вы думаете, стоит просто взять копье и убить Буббура — коричнево-желтую змею? Вы никогда его не видели, а я видела — однажды, когда была маленькой. Я поседела в тот же день. Это было самое ужасное зрелище на свете. Поверьте мне, Буббура можно победить только храбростью и хитростью. И я верю, что у этого молодого воина они есть».

На следующий день Валла пришел к костру. Его глаза блестели; казалось, он даже весел. Он спросил, кто отправится с ним собирать смолу.

«У нас есть смола, — удивились его хорошему настроению соплеменники. — Можешь взять у нас».

«Мне нужна свежая смола, — ответил он, засмеялся, увидев их испуганные лица, и сказал: — Пойдемте, и я покажу, зачем мне нужна смола».

Любопытные пошли с ним, а когда они собрали смолу, он повел их в долину валунов. Устроившись на самом высоком дереве, Валла попросил остальных отойти на край долины. С собой он взял лишь лучшего друга. Сидя на дереве, они выкрикивали имя Буббура, и эхо разносило их крики по долине, залитой солнцем.

Вдруг показалась коричнево-желтая голова. Змея прислушивалась, откуда доносятся крики. Вокруг кишели маленькие коричнево-желтые змееныши, что вылупились из тех яиц, которые видела Муура. Валла и его друг скатали смолу в большие шары. Когда Буббур увидел воинов, он раскрыл пасть, высунул язык и бросился на друзей. Был полдень, и солнце ярко высвечивало белые зубы и красную пасть Буббура. Но в тот же миг Валла кинул самый большой шар прямо в открытую змеиную пасть. Челюсти непроизвольно сомкнулись, и зубы завязли в смоле.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Привет, как долетели? (англ.)

Хорошо (*англ.*).

Деловая поездка? *(англ.)*

А почему в вашем паспорте не проставлена виза, сэр? *(англ.)*

Простите, забыл (*англ.*).

Вы полицейский? *(англ.)*

Только одну (*англ.*).

Разве это так заметно? (*шведск.*)

Негодник (*шведск.*).

Давайте сделаем что-нибудь хорошее! (*англ.*) — цитата из фильма Брайана Де Пальмы «Неприкасаемые».

Давайте пообедаем (*англ.*).

Мошенник (*англ.*).

Гэри Ларсон (р. 1950) — известный американский карикатурист, автор серии «По ту сторону».

Ищите что-то еще? *(англ.)*

Идти близко, но унесет вас о-очень далеко (*англ.*).

Люди, которые торгуют или балуются травкой (*англ.*).

«Х а у с» (*house* — *англ.*) — возникшее в 1980-х гг. музыкальное направление, получило распространение среди наркоманов.

Добрый день! (Как приветствие в Великобритании считается устаревшим, но в США и Австралии употребляется.)

Грандиозно (*англ.*).

Такие дела (*англ.*).

Я понял, Эндрю! *(англ.)*

Вот там действительно интересно! Ступайте же, ступайте! *(англ.)*

«Красная спина» (*англ.*), разновидность каракурта.

Спасибо за вчерашнее (*шведск.*).